

**Часть V. ОБРАЗЫ ИСТОРИИ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ И ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОШЛОГО
В НАУКЕ, ИСКУССТВЕ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Н. А. Антипин (Челябинский ГУ)

**Образы Русско-японской войны в художественных произведениях
советских писателей 1930-х – 1950-х гг.**

Во второй половине 1930-х – начале 1950-х гг. в СССР опубликовано несколько романов, посвященных Русско-японской войне: «Цусима» А.С. Новикова-Прибоя, «Порт-Артур» А.Н. Степанова, «Варяг» и «Стеревающий» А.С. Сергеева, «На сопках Маньчжурии» П.Л. Далецкого. Из них только А.С. Новиков-Прибой был участником войны, а свидетелем войны – А.С. Сергеев, который пережил оборону Порт-Артура. А.Н. Степанов и П.Л. Далецкий не являлись участниками и свидетелями войны, но тесно связаны были с военной средой. Романы А.С. Сергеева «Варяг» (1946) и «Стеревающий» (не закончен) и П.Л. Далецкого «На сопках Маньчжурии» (1951) получили меньшее распространение.

Наибольшую популярность и распространенность среди произведений советских писателей, посвященных войне 1904-1905 гг., получили романы «Цусима» и «Порт-Артур», чему способствовало награждение авторов Сталинскими премиями: А.С. Новикова-Прибоя в 1941 г., А.Н. Степанова в 1946 г. Писатель К.М. Симонов в своих размышлениях, не предназначенных для печати, писал по поводу присуждения премии за «Порт-Артур»: «Этот очень интересный факт подтверждает утилитарность сталинского взгляда на исторические произведения. <...> В сорок втором или в сорок третьем году Сталин мог вполне сказать об этой нравившейся ему книге: нужна ли она нам сейчас? Нужно ли было, особенно до начала сорок третьего года, до капитуляции Паульса в Сталинграде, напоминание о падении Порт-Артура. А в 1946 г. Сталин счел, что эта книга нужна как нечто крайне современное, напоминание о том, как царь, царская Россия потеряла 40 лет назад то, что Сталин и возглавляемая им страна вернули себе сейчас» (Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1988. С. 185-186.)

Однако не следует преувеличивать роль И.В. Сталина в процессе формирования и трансформации культурной памяти. Присуждение Сталинской премии – это пример коммеморативной практики (Я. Зерубавель). Идея художественного освоения образов Русско-японской войны рождалась и воплощалась в какой-то мере независимо от власти.

Итак, в художественной литературе складывается образ Русско-японской войны. Война представляется империалистической, но на уровне государств, а для народа – это защита своей земли, своего отечества. Более четко героическая характеристика войны просматривается в романах «Порт-Артур» и «Варяг», ибо в названных сочинениях центральными сюжетными линиями являются конкретные эпизоды, связанные с доблестью русских. Оборона Порт-Артура и сражение в порту Чемульпо приобрели героический ореол непосредственно в ходе войны, что должно было поднимать боевой дух солдат, служить примером на поле боя. В романах «Цусима» и «На сопках Маньчжурии» героическая линия войны менее ярка, хотя авторы помещают сюжеты, где отразились доблесть и храбрость русских солдат и матросов, но появление революционной линии в сюжете неминуемо вводит в произведение противоречие: сражение на Дальнем Востоке в рядах царской армии и сражение внутри страны против самодержавия. А.С. Степанов и П.Л. Далецкий согласились с позицией В.И. Ленина: войну начал царь из-за своих корыстных притязаний, но на войне гибнут русские люди, поэтому необходимо их защищать, а также оборонять рубежи страны, ибо японцы за Порт-Артуром и Маньчжурией видели Сахалин и Дальний Восток.

Другой элемент образа войны – образ русской армии. В этом вопросе все авторы придерживаются схожих позиций. Солдаты, матросы, рядовые воины – это герои, не только потому, что сражаются и гибнут, но и потому, что оставили на родине семьи, многие годы терпят притеснения чиновников, помещиков, царского правительства. Да, они «мужики», мало образованы, не очень хорошо владеют оружием, плохо разбираются в технике, но храбрость этим не определяется. Рядовым близки младшие офицеры, которые находятся в постоянном соприкосновении с солдатской и матросской массой, хотя и среди офицеров встречаются отрицательные персонажи. Основное скопление негативных действующих лиц находится среди старшего офицерства и генералитета. Здесь образ русского военного персонифицируется в исторических лицах – А.М. Стессель, А.В. Фок, Е.И. Алексеев, О.В. Старк, З.П. Рождественский и другие. Они представляются главными виновниками поражений. Из среды генералитета выделяются С.О. Макаров, Р.И. Кондратенко, которые изображаются героями, выходцами из народной среды, знающими проблемы солдат, проявляющими о рядовых отеческую заботу. Как и в исторической литературе выделяются такие фигуры, которые не проявили себя в революционных событиях. Так, герой Русско-японской войны П.К. Ренненкамф удачно действовал в крупных сражениях в Маньчжурии, но участие в подавлении революции дискредитировало героя, поэтому образ генерала приобретает негативную окраску. Фигуры С.О. Макарова и Р.И. Кондратенко, а также С.А. Рашевского и других «удобных» тем, что они погибли на войне, т.е. не проявили себя в революции, а в советской военной практике гибель – высшее проявление героизма.

Японцы, напротив, представлены исключительно в негативном свете. Отмечается не только их низкая культура, но и низкие боевые качества, ибо они воюют при активной поддержке союзников (подобный взгляд особенно характерен для романов А.Н. Степанова и А.С. Сергеева). П.Л. Далецкий, сосредоточиваясь на революционной проблематике, подробно останавливается на быте «обычных» японцев, которые находятся под гнетом «военщины». Писатель рассказывает о японской социал-демократии и ее антивоенных протестах. Так, в романе «На сопках Маньчжурии» японцы приобретают близкий русским облик. Образы японцев стратифицированы на «верхи» и «низы», положение последних одинаково в России и Японии, что вызвало у критиков недоумение, ибо автор порождает у читателя возможность позитивного и сочувственного отношения к врагу.

Таким образом, в 1930-е – 1950-е гг. в СССР опубликовано несколько художественных произведений, посвященных Русско-японской войне, которые наряду с научными, публицистическими, кинематографическими работами явились основными факторами формирования культурной памяти войны. Произведения – лауреаты Сталинской премии приобрели статус классических художественных романов, обязательных для чтения, и пользовались интересом у читателей, оставаясь несколько десятилетий основным источником образов и информации о Русско-японской войне для советского общества.

О. В. Богомазова (Челябинский ГУ)

В. О. Ключевский: актуализация памяти об историке в коммеморативных практиках научного сообщества XX века*

Время, в которое мы живем, П. Нора назвал «эрой коммемораций», когда практически каждое сообщество считает необходимым искать свои «корни», подкрепляя свою самоидентификацию. Применительно к традициям историографии, память о конкретном историке может представляться как конструируемый, контекстуальный феномен – «место памяти», значимость которого выкристаллизовывается в ритуале коммеморации (Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 217-219; Нора П. и др. Франция-Память. СПб., 1999). Основные моменты его фиксации отслеживаются через историографический нарратив, эго-документы и делопроизводственные источники, и реконструируются через коммуникативные практики, выраженные в форме юбилейных торжеств, свидетельствующих об «организованном» сохранении памяти о научном деятеле. В качестве «места памяти» у нас выступает В.О. Ключевский, как историк и

---

* Тезисы подготовлены при поддержке гранта ФПМУ ГОУВПО «Чел.ГУ», № 10/1.

«учитель», ретранслятор схолярных традиций. Соответственно этому определяется и круг носителей памяти о нем: во-первых – это его ученики, представители «школы», во-вторых – те, кто по разным причинам проявлял интерес к его научному наследию и, занимаясь его интерпретацией, создавал новые слои памяти о В.О. Ключевском.

Коммеморативные практики М. Хальбвакс причислял к формам реализации коллективных воспоминаний, при этом феномен «коллективной памяти» является залогом социальной идентичности (Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007). Так, образ «Учителя» – В.О. Ключевского – для его учеников становится феноменом, реконструирующим сообщество «историков старой школы» и необходимым для его самоидентификации, сплочения и выживания в новых реалиях советского общества. Традиции «школы Ключевского» и дореволюционного этоса науки продолжали бережно храниться и манифестироваться уже в рамках советской исторической науки его учениками и теми историками, которые причисляли себя к «внукам» Ключевского. Очевидно, что и своеобразная символика «образа» В.О. Ключевского, как идеала дореволюционной науки, является «продуктом воспоминания о прошлом», сохраняемым и востребованным в живой традиции сообщества историков. А «поминальный комплекс» документов, юбилейные собрания, учреждение стипендий имени В.О. Ключевского и открытие памятника на могиле историка в 1911–1940-е гг. тому свидетельствует.

В рамках развития коммеморативных практик в историографии наблюдается процесс трансформации памяти, который содержит в себе коммуникативный и культурный слои памяти об объекте. Так мнемогенез, от повторения через восстановление и реконструкцию, в обстоятельствах меняющейся социокультурной ситуации, вполне может прийти к деконструкции, или к «негативной памяти» с элементами антивоспоминания. Так в 1940–50-е гг. мишенью для острейшей критики становились монографии и статьи, посвященные изучению дореволюционных, «буржуазных» историков (например, статьи А.И. Андреева о Соловьеве, А.И. Яковлева о Ключевском). Тогда же, А.А. Зимину было наложено «вето» на работу над докторской диссертацией о В.О. Ключевском, защиту которой он планировал подвести под одну из юбилейных дат (Киреева Р.А. Из истории советской исторической науки конца 1940-х гг.: Первое вето в научной жизни А.А. Зимины // Археографический ежегодник за 1993 г. М., 1995. С. 223-225). В результате А.А. Зимин смог реализовать свой творческий замысел лишь в существенно усеченном виде, в том числе через работы собственных учеников, только в 1960-е гг. (Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010. С. 35.)

Коммеморация же от общности через индивидуализацию приходит к омассовлению (экстериоризации), переводя память, имеющую первоначальный коммуникативный генезис, на уровень культурной памяти. Память о Ключевском в классическом понима-

нии о «культурной памяти», приобретает статус таковой в России постперестроечного периода. В сообществе историков становится вежливым тоном почтить память В.О. Ключевского изданием юбилейных статей (например, к 150-летию отмечаемому в 1991 г.), переизданием книг и проведением научных конференций, привязанных к юбилейным датам; в Пензе, на родине Ключевского, были установлены памятники историку и открыт Дом-музей, в жизни которого активно принимают участие и московские историки.

«Вспышка памяти» и период оживления историографического дискурса, как правило, связаны с юбилейными датами. И в совокупности это можно рассматривать как целостное и развивающееся во времени коммеморативное событие, в структуре которого можно наблюдать следующие основные формы:

- Посмертные нарративные практики (некрологи; сборники статей, посвященные памяти почившего);
- Коммеморативные акции (панихиды; проведение собраний и конференций, манифестирующих юбилейное событие; учреждение стипендий; установка памятников, надгробий; именование улиц; открытие музея);
- Историографический нарратив (публикация архивных материалов, сборников, монографий, научных статей).

Историографическая среда, находящаяся в контексте социокультурного развития, вырабатывает свой механизм выбора объекта и способы сохранения памяти о нем, решает насколько будет закрыто или открыто пространство памяти. В связи с этим она сама может рассматриваться как «место памяти», обладающее своей специфичной «историографической памятью», хранящей наши знания об историках и их научном наследии. Память об историке и юбилейные/коммеморативные традиции в историографической среде, как и в любом другом культурном субстрате, представляют собой процесс, который служит выражением солидарности группы, мобилизует разные дискурсы и практики в репрезентации событий научной повседневности, а также является маркером актуального научного этоса.

Д. А. Будюкин (Липецкий ГТУ)

Романтика прошлого: образы ирландской аристократии в популярных книгах Бернарда Берка

Сэр Бернард Берк, Гербовый король Ольстер, стал знаковой фигурой в британской генеалогии. Потомок старинного рода ирландского джентри, рожденный в семье генеалога, он не просто продолжил семейное дело — издание родословных справочников, но сделал его институтом, сохранившим свое значение даже сегодня.

В наши дни научное наследие Берка оценивается весьма неоднозначно. Например, Британская энциклопедия сообщает, что он процветал в период, когда генеалогия была почти неотделима от снобизма; его редко посещали сомнения при отборе данных, и немало фантастических рассказов было преподнесено им как факт. В результате к наследникам Берка перешло много ошибочных данных, которые снова и снова воспроизводились в последующих изданиях.

С 1849 г. Берк осваивает новую сферу деятельности: написание популярных книг, рассказывающих о различных интересных случаях из семейной истории британской аристократии. Одна за другой выходят книги: “Anecdotes of the Aristocracy” (1849), “Family Romance” (1854), “Vicissitudes of Families” (1869). За первыми изданиями каждой из них вскоре последовали новые тома и переиздания: так, уже в 1855 г. вышел трехтомник избранных рассказов “Romance of the Aristocracy”. Рецензии на эти книги в основном были негативными, но мнение критиков в данном случае явно не совпало с мнением читателей. Книги приобрели популярность и внесли вклад в продвижение генеалогических справочников Берка.

Нет необходимости проводить глубокий научный анализ популярных книг Берка, поскольку критика в их адрес прозвучала уже сразу после их выхода в свет. Однако общественное значение этих публикаций представляется немалым. Появившись на волне растущего интереса к генеалогии, к романтической истории древних родов и романтике прошлого в целом, они в значительной мере способствовали дальнейшему росту этого интереса. В связи с этим интересно рассмотреть образы ирландской аристократии у Берка, который был ирландцем и возглавлял ирландское генеалогическое ведомство.

Рассказы об ирландской аристократии занимают немало места в книгах Берка. Во многом это объясняется тем, что, как сам он обращает внимание в “Vicissitudes of Families”, именно в Ирландии сохранились древнейшие фамилии Британских островов, причем не только исконно ирландского, но и нормандского происхождения. Акцентируя внимание на древней и полной романтических преданий истории ирландской аристократии, Берк тем самым способствует повышению ее статуса в глазах английского общества. Это было актуально, поскольку и в XIX в. представители высшей английской знати нередко смотрели на ирландских аристократов как на жалких провинциалов. В эпоху, когда династические конфликты прошлого утратили актуальность, их герои становятся привлекательными для обеих сторон. Новый ирландский национализм совершенно чужд Берку, который продолжает мыслить в категориях лояльности и верности монарху. Он старается уделять меньше внимания участию своих героев в восстаниях против короны, зато много пишет о сопротивлении Кромвеллю: цареубийца – это абсолютное зло.

В целом можно сделать вывод о том, что книги Берка приобрели популярность благодаря подъему интереса к семейной истории аристократии и способствовали дальнейшему росту этого интереса. Во времена, когда древность рода приобретала все больший престиж, память о преданиях глубокой старины была интересна широкой публике и легитимировала статус аристократии.

А. Н. Валиахметов (Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Казань)

Образ чехословацких легионеров в современных учебниках истории

Учебники играют важную роль в образовательном процессе. Они излагают «систематические знания по той или иной дисциплине и выступают важнейшим опорным звеном механизма трансляции культурных образцов и ценностей. Без них невозможно представить себе процесс институциализации знания в сфере ... образования» (Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3-х тт. М., 2000. Т.1. С. 3.). Содержание учебника определяется нормативными документами и, прежде всего, стандартом образования. В то же время, авторы учебников имеют возможность расширить существующие рамки: предложить ученикам альтернативные точки зрения, поставить перед ними дискуссионные вопросы и т.д.

В современной системе образования сложилась практика, при которой авторами школьных учебников по истории являются не школьные учителя, а академические ученые. Это позволяет рассчитывать на то, что в учебниках найдет отражение не только необходимый образовательный минимум, но и новейшие достижения исторической науки. Следует иметь в виду, что автор или коллектив авторов должны охватить круг вопросов, которые могут выходить за рамки их персональных научных интересов. В этом случае автору приходится опираться на устоявшиеся мнения и оценки, приводить общеизвестные факты.

Объектом анализа являются школьные и вузовские учебники, а также учебные пособия по истории России. Предметом исследования – образ чехословацких легионеров на страницах современных учебников. Под образом понимается информация о чехословацких легионерах, которая передается различными вербальными конструкциями и графическими (фотографии, карты, схемы и т.д.) изображениями.

На страницах современных учебников истории Чехословацкий легион рассматривается в контексте гражданской войны в России. Первое событие с участием Чехословацкого легиона, которое упоминается в учебниках, – выступление легионеров 25 мая 1918 г. В результате этого выступления были захвачены города в Поволжье, на Урале и в Сибири. Вслед за первым упоминанием о Чехословацком легионе следует краткая историческая справка (максимум 2–3 пред-

ложения) из которой ученики узнают, что чехословацкие legionеры – это славяне, бывшие солдаты австро-венгерской армии, которые добровольно перешли на сторону России, для того чтобы продолжить борьбу, но уже на стороне стран Антанты. Учебники в целом адекватно передают основное стремление чехословацких legionеров – выехать на Западный фронт с тем, чтобы продолжить борьбу со странами Четверного союза. Главной целью борьбы для них являлось создание самостоятельного Чехословацкого государства.

Чехословацкому легиону отводится значимое место в истории гражданской войны в России. Его выступление называется одним из поворотных пунктов в ее истории. Этим событием авторы учебников датируют первый этап гражданской войны. В этом вопросе они лишь следуют установившейся традиции. Боевые действия чехословацких legionеров преподносятся как «катализатор», «толчок», способствовавший консолидации антибольшевистских сил. При этом они оказали мобилизирующее действие не только на антибольшевистские силы, но и на Советское правительство: в разгар выступления – 29 мая 1918 г. было принято постановление ВЦИК об обязательной военной службе.

Причиной конфликта, приведшего к выступлению legionеров, чаще всего называется то обстоятельство, что у legionеров было больше оружия, чем предусматривалось по соглашению с Пензенским Советом 26 марта 1918 г. В то же время, некоторые авторы предлагают более сдержанные оценки, упоминая «взаимные противоречия, недовольство, подозрения». В данном случае вопрос о том, что было раньше: желание разоружить или нежелание разоружиться (и в том и в другом случае – возможность с оружием в руках отстаивать свою позицию) не может быть решен однозначно. Недопустимо в данной ситуации лишь одно – возложить персональную ответственность за любое действие/бездействие на конкретного человека или группу людей.

Чехословацкий легион рассматривается как часть войск интервентов. Более того, подчеркивается то обстоятельство, что его выступление было использовано Антантой, как оправдание интервенции. Заключительным событием с участием чехословацких legionеров, о котором упоминается в учебниках, является выдача А.В. Колчака и эшелона с золотым запасом Иркутскому Политцентру. После этого legionеры словно растворяются как на географическом пространстве России, так и на страницах «книжного» пространства. Лишь в двух учебниках приводится информация о том, что чехословацкие legionеры были эвакуированы из России в августе 1920 г.

Следует обратить внимание на крайне спорные и, порой, неприемлемые утверждения, которые встречаются на страницах учебников. В одном из учебников чехословацкие legionеры названы «белочехами». Подобная характеристика представляется неправомерной. Чехословацкие legionеры были частью антибольшевистских сил, но они не были «белыми» по своим политическим убеждениям. В массе своей они были

социалистами. Другим подобным примером является утверждение, что Чехословацкий легион после взятия Казани намеревался двинуться на Москву. В отечественной историографии утвердилось мнение, что у легионеров не было подобных планов (Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 году // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1997. № 4. С. 20-21).

Понятие «образ» не может быть полным без зрительного представления. В современных учебниках истории можно встретить фотографии лидеров белого движения, солдат антибольшевистских армий, но нет ни одной фотографии чехословацкого солдата или офицера. Более того, нет ни одного имени чехословацкого легионера. Лишь в учебнике В.П. Островского упоминается Р. Гайда, возглавлявший выступление легионеров.

Образ чехословацких легионеров на страницах современных учебников представляет собой в целом симметричную проекцию степени изученности истории Чехословацкого легиона в современной отечественной историографии.

Е. В. Волков (Южно-Уральский ГУ, Челябинск)

Образы Октябрьской революции, ее героев и врагов на советском экране в 1920–1930-е гг.

Кино, несомненно, является выразителем культурной памяти. Наряду с художественной литературой и другими произведениями искусства оно оказывает огромное влияние на формирование массового национально-исторического сознания. Одним из базовых идеологических постулатов советского общества являлся исторический миф о закономерности и неизбежности Октябрьской революции 1917 г., обеспечившей наилучший путь развития России. Значительную роль в конструировании и трансляции данного мифа играло кино. В качестве примера для исследования того, каким образом менялись в зависимости от социального и политического заказа общества трактовки и акценты в показе образов Октября на экране, мы обратились к двум художественным фильмам. Первый – «Октябрь», созданный в 1927 г. к десятилетнему юбилею революции, являлся последним в историко-революционной трилогии режиссера С. М. Эйзенштейна после «Стачки» и «Броненосца «Потемкин». Другая картина «Ленин в Октябре», вышедшая на экраны в 1937 г., к двадцатой годовщине революции, была поставлена и снята М.И. Роммом (1901–1971).

Фильм Эйзенштейна создавался в период, когда тоталитарный режим в Советском Союзе еще окончательно не утвердился. Многие из участников и современников «великих событий» были живы и могли рассказать о них. С другой стороны господствовала цензура и власть одной партии. Поэтому «Октябрь» оказался неоднозначным

фильмом. С.М. Эйзенштейн и его помощник Г.В. Александров (Мармоненко) (1903-1983) вели съемки очень быстрыми темпами, чтобы успеть к юбилею. Власти не скупилась: бюджет картины составил не менее 560 тысяч рублей. (Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1923. Оп. 1. Д. 263. Л. 45). Большую помощь в ее создании оказал большевик Н. И. Подвойский, который не только сыграл самого себя как председателя Военно-революционного комитета, но и организовал для режиссеров несколько вечеров-воспоминаний с участниками Октябрьского переворота. («Октябрь» в кино // Огонек. 1927. № 26. С. 8-9). По словам киноведа и писателя В. Б. Шкловского, «Октябрь» стал лентой в стиле «советского барокко», где на первом плане доминировали предметы, статуи, идолы, монументы, а не люди. Посмотрев фильм, можно было прийти к выводу, что Октябрьскую революцию вершили статуи, в виде львов, слонов, различных эпических фигур (Шкловский В.Б. За 60 лет. Работы о кино. М., 1985. С. 115-116). Наряду с постановочными сценами «Октябрь» отличался рядом документальных эпизодов. Картина была незвуковой, и ее кадры чередовались с текстовыми пояснениями. Фильм сопровождается симфонической музыкой Д. Шостаковича, записанная позднее. От этого он только выиграл.

Эйзенштейн представил революцию как стихийное движение народных масс, перед которыми ничто не сможет устоять. Символом свержения старого мира стали кадры разрушения памятника Александру III. Обратная же съемка, демонстрирующая восстановление монумента, говорила о планах контрреволюции возродить самодержавие. Именно с монархией, с диктатурой, с подавлением и унижением простого человека связаны в фильме символы контрреволюции: двуглавый орел с угрожающим клювом, гигантский и безликий памятник Александру III, бездушная статуя египетского сфинкса. С контрреволюцией отождествлялись и показанные на экране религиозные идолы, сменявшие один другого, когда речь шла о выступлении войск генерала Л.Г. Корнилова на Петроград. По мнению английского историка Р. Тейлора, в данных кадрах содержалась мысль, что революция будет мировой (Taylor R. Film propaganda. Soviet Russia and Nazi Germany. New York, 1979. P. 98).

О реакции творческой интеллигенции на «Октябрь» свидетельствуют некоторые выступления в апреле 1928 г. при обсуждении картины. Одни критиковали ее за чрезмерный символизм, порой не совсем понятный, другие – за то, что Эйзенштейн представил врагов «идиотами» и не показал сопротивление белых. Суровая критика слышалась от членов Ассоциации работников революционной кинематографии (АРРК), сторонников «гегемонии пролетариата». Эйзенштейна ругали за обскурантизм и потакание собственным желанием. Так режиссер П.П. Петров-Бытов в апреле 1929 г. писал, что такие фильмы, как «Октябрь», «проповедуют чуждые нам эстетические взгляды и принципы», потому что их создатели способны «понять лишь абстрактные проблемы», но не знают жизни (Цит. по: Тейлор Р. Борис Шумяцкий и совет-

ское кино в 30-е годы: идеология как развлечение масс // Киноведческие записки. 1989. Вып. 3. С. 42-43). В журнале «Советский экран», в июне 1928 г., даже появилась карикатура на режиссера с надписью «Всякий сам себе Эйзенштейн». По мнению британского историка Р. Тейлора такая ирония является наилучшим примером того, как за попытку создать кинематографический миф режиссера подвергли обструкции. Он замахнулся на святое, попытался популяризировать идеалы, в которые верили многие советские люди. (Советский экран. 1928. № 19. С. 6-7; Taylor R. Film propaganda. Soviet Russia and Nazi Germany. P. 101). Однако имелись и положительные отклики. Режиссера хвалили за мастерство, за новаторский подход.

Через десять лет, 6 ноября 1937 г. в Большом театре столицы состоялся первый просмотр фильма «Ленин в Октябре». В отличие от ленты С.М. Эйзенштейна картина утверждала, что победа революции была обеспечена не благодаря революционному порыву масс, а хорошо спланированной деятельностью партии большевиков во главе с «гениальным вождем» В.И. Лениным. Это тоже проявление духа времени, доминирующих аспектов в официальной идеологии. С критикой того, что создатели картины не показали роль народных масс, выступил режиссер А.П. Довженко на творческом совещании об историческом и историко-революционном фильме (1940) (Довженко А.П. Историческая правда и наши фильмы // Довженко А.П. Собр. соч.: в 4-х т. М., 1969. Т. 4. С. 127-128). Но его голос не услышали.

Фильм стал первым опытом создания драматического образа В.И. Ленина (актер Б. Щукин) на экране. Ведь в «Октябре» Эйзенштейна он изображен в нескольких эпизодах на фоне общего революционного порыва. Перед Роммом стояла задача показать характер Ленина, как одного из главных героев картины. Судя по воспоминаниям режиссера, он очень волновался и сразу не мог придумать, как представить «вождя мирового пролетариата». В итоге Ленин получился простым, открытым и неприхотливым человеком, обладающим чувством юмора. А Сталина создатели картины представили как самого близкого советника и помощника Ленина. Первая реплика Ильича, нелегально на паровозе подъезжающего к Петрограду, являлась просьбой обеспечить ему встречу с ним. (Очерки истории советского кино: в 4-х т. М., 1973. Т. 2. С. 308). Стоит отметить, что во врагов революции в фильме превратились и отдельные соратники вождя – Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев, которые «предали партию» и выдали планы ЦК относительно вооруженного восстания в Петрограде. В отличие от фильма С.М. Эйзенштейна «Октябрь», где в одном из эпизодов среди руководителей революции предстает Троцкий, картина «Ленин в Октябре» создавалась в совершенной иной политической тональности при личном участии Сталина, правившего сценарий. Так после первого просмотра вождем для идеологической ясности указал режиссеру доснять сцены штурма Зимнего дворца и ареста Временного правительства (Ромм М. Устные рассказы. М., 1989. С. 53).

Кинопроизведения Эйзенштейна и Ромма стали классикой историко-революционного кинематографа. Они оказали большое влияние на представления советских людей о своем недавнем прошлом. Ряд эпизодов из фильмов нередко демонстрировались как документальные, когда зрителям показывали визуальные образы «Великого Октября». В то же время эти ленты кардинально различаются в показе революции, в объяснении причин ее победы. Политический и социальный заказ, господствующий в советском обществе в 1927 г. при выходе на экраны «Октября» значительно изменился через десять лет, когда создали картину «Ленин в Октябре».

А. Н. Галямичев (Саратовский ГУ)

Гуситская тема в творчестве Жорж Санд

Тема, заявленная в названии доклада, не принадлежит к числу неизвестных или малоизученных. Знаменитые романы Жорж Санд «Консуэло» и «Графиня Рудольштадт» любимы многими поколениями читателей. Более того, достаточно хорошо известны работы Б.Г. Реизова, специально посвященные этому сюжету (Реизов Б.Г. Жорж Санд и гуситы // Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка. 1957. Т. 16. Вып. 4. С. 324-334; Он же. Жорж Санд и крестьянско-плебейская революция в Чехии // Реизов Б. Г. Из истории европейских литератур. Л., 1970. С. 249-265). И все-таки представляется необходимым еще раз вернуться к нему, поскольку не все его грани, на наш взгляд, нашли отражение в исследовательской литературе.

Статьи Б.Г. Реизова несут на себе, на наш взгляд, глубокую печать времени своего возникновения. Их автор стремился выявить прежде всего те черты взглядов Жорж Санд на гуситское движение, которые казались ему созвучными марксистской исторической науке, оставляя в стороне многое другое. Отдавая должное проделанной видным учёным работе, нельзя не высказать и несколько соображений критического свойства. Представляется, что предложенная им точка зрения сужает значение наследия Жорж Санд в истории осмысления феномена гуситского движения. Прежде всего, не вполне обоснованным представляется преимущественное внимание Б.Г. Реизова к очеркам «Ян Жижка» и «Проккоп Великий», которые публиковались на страницах журнала «Независимое обозрение» в 1843-1844 гг., одновременно с текстами романов «Консуэло» и «Графиня Рудольштадт», впервые увидевших свет в те же годы и в том же издании, и были призваны помочь читателю составить общее представление об истории гуситского движения, выступающей в качестве одного из слагаемых исторического фона художественного повествования Жорж Санд. Конечно, они имеют немалую историографическую ценность, и в свое время способствовали открытию истории гуситской эпохи не только французским, но – шире – вообще европейским читателем. Но едва ли, на наш взгляд, право-

мерно ставить на первый план подготовительные (вспомогательные) материалы, оставляя в тени художественный текст, в котором автор высказал то главное, что он хотел сказать современникам и потомкам.

Отличительной чертой трактовки гуситской эпохи в романах Жорж Санд, в которой видится отражение особого места музыки и музыкантов в сюжетной линии, представляется ее своеобразное многоголосье. Она предстает здесь одновременно с нескольких точек зрения. Одна из них – точка зрения эрудитской, придворной, кабинетной учености. Её представляет фигура «ученейшего академика Штосса, хранителя кабинета редкостей и библиотеки дворца» прусского короля Фридриха Великого.

Другой взгляд на гуситскую эпоху, представленный в романах, – ее истолкование в духе идей романтизма первой половины XIX в., ставшей временем Национального Возрождения в славянских странах. Время написания романов было временем счастливого супружеского союза французской писательницы с великим польским композитором Ф. Шопеном, мировоззренческие искания и самый круг знакомств увлекли Жорж Санд драматическими судьбами истории славянских народов.

Гуситское движение выступает в романах как порождение неистребимого «народного духа» чехов, который продолжал жить в их сердцах, несмотря на утрату национальной независимости и долгие десятилетия угнетения. Идея «народного духа» являлась для деятелей Славянского Возрождения источником надежды на завоевание славянскими народами свободы и независимости, какой бы трудноразрешимой ни казалась эта задача в сложившихся условиях. Наиболее ярко идея непобедимости «народного духа» обосновывается в монологе графа Альберта Рудольштадта: «Как ни сжигай архивы и исторические документы, ... как ни воспитывай детей в неведении минувшего, как ни заставляй молчать простодушных людей с помощью софизмов, а слабых — с помощью угроз, ни страх перед деспотизмом, ни боязнь ада не могут заглушить тысячи голосов прошлого» (Санд Ж. Консуэло. Алма-Ата, 1991. С. 148).

Третий, наиболее близкий мировоззренческим исканиям самой Жорж Санд, взгляд на гуситские события рассматривает их в контексте вековой борьбы человечества за социальную справедливость. Гуситская эпоха впервые в мировой литературе предстает на страницах романов в широком всемирно-историческом контексте. Именно в этом, по нашему мнению, и состоит главный элемент новизны, по-настоящему новаторский характер её освещения французской писательницей.

Идеи гуситов, точнее, их радикального крыла – таборитов, оказались удивительно созвучными учению, увлекшему Жорж Санд в начале 40-х гг., – христианскому социализму Пьера Леру. Движение таборитов выступает на страницах романов как одно из звеньев извечной борьбы человечества за справедливость и равенство.

В середине 1840-х гг., в обстановке назревавшей во Франции революции, «гуситские» страницы романов Жорж Санд звучали более чем актуально, сближая стихию народного восстания в Чехии XV в. с событиями современности, а свойственный средневековым еретическим учениям мистицизм находил немало точек соприкосновения с духовной атмосферой Западной Европы первой половины XIX в. Вместе с тем, «гуситские страницы» романов «Консуэло» и «Графиня Рудольштадт» оставили след в истории европейской культуры не только как образцы превосходной прозы, но и как памятники философско-исторической мысли, во многом предвосхитившие искания историков будущих поколений.

О. В. Гусарова (Челябинский ГУ)

Особенности формирования образа прошлого в советской книжной графике (1930-е гг.)

В художественном творчестве 1930-х гг. прошлое входило в настоящее различными путями. Одним из таких путей была книжная иллюстрация, получившая в этот период советской истории широкое распространение.

В силу своей доступности и многотиражности книжная графика становится одним из важных способов воздействия на массовое сознание. Возможность делать свои акценты, направлять взгляд реципиента на «правильное» прочтение вербального текста становятся главными качествами книжной иллюстрации в 1930-е гг. При учете того, что вербальный текст как основа книжной графики может принадлежать другой эпохе и другой культуре, важным было и то, что иллюстрации способны особым («нужным») образом формировать образ прошлого и особое к нему отношение. Этому способствовали те бюрократические и идеологические рамки, в которых находилась деятельность художника-иллюстратора.

Издательство, как государственный орган, выступало главным заказчиком иллюстраций и их цензором. Художественную литературу в 1930-е гг. в большей массе выпускало Государственное издательство художественной литературы (с 1937 г. – Гослитиздат), ставшее, по сути, монополистом в этой области во второй половине 30-х гг. Деятельность издательств, а, следовательно, и деятельность тех, кто имел к ним отношение, регулировалась различными постановлениями и резолюциями ЦК ВКП (б). Работа в ГИХЛ, как и в других издательствах, велась на плановой основе, находящейся под надзором ЦК ВКП(б). Принципиально важным моментом в плановой политике издательства был репертуар литературных произведений. В первую очередь должны были издаваться произведения, способствовавшие культурному подъему и социалистическому воспитанию

масс. В связи с этим предпочтение отдавалось отечественной и зарубежной классике, современной художественной литературе. Таким образом, художнику-иллюстратору давались предписания, кого и что иллюстрировать (исходный материал для размышлений о прошлом). Но зачастую такие предписания давались и относительно того, как иллюстрировать (каким образом прошлое должно воплощаться в тех или иных иллюстрациях). Несоответствие этим предписаниям могло обернуться (и оборачивалось) негативными последствиями: всеобщая критика, отсутствие заказов и, как следствие, отсутствие средств к существованию, забвение, психологический надлом.

Что касается вопроса, каким образом нужно подходить к иллюстрированию литературы, в том числе, и принадлежащей другим эпохам, провозглашалось, что и в основе художественного оформления книги должен лежать принцип социалистического реализма. Для иллюстраций, основой которых выступали литературные произведения, не связанные с советской действительностью, это означало, что прошлое в них должно рассматриваться и оцениваться сквозь призму современности и с позиций современности. Политические и социальные процессы, характерные для эпохи 1930-х гг. должны были и в книжной иллюстрации найти отражение. Более того, художнику предписывалось при помощи иллюстраций вносить уточнения в литературный текст с точки зрения ведущих тенденций своей эпохи и расставлять отчетливые социальные акценты. Подобный принцип активно декларировался в печати и в выступлениях критиков. Достоинство того или иного графического цикла определялось зачастую именно с этих позиций. В практике художественного творчества можно заметить, что для некоторых художников-иллюстраторов (например, для С. Герасимов, Е. Кибрика) этот принцип согласуется с их творческой позицией.

Соцреализм предполагал следование и таким принципам как «правдивость», «конкретность», «жизненность». Следовательно, прошлое, отраженное в литературном произведении, в книжных иллюстрациях должно быть представлено полнокровными реалистическими образами, верными и правдивыми типами, в соответствующем конкретном пространстве. Причем, здесь важен фокус зрения. Критиков, а зачастую и самих художников, интересует не своеобразный и всегда субъективный мир литературного произведения, а лишь сама реальная действительность, в нем отразившаяся. Таким образом, литературное произведение рассматривалось в какой-то степени как исторический документ. События, отраженные в нем воспринимались как происходившие в действительности, а персонажи – как реально существовавшие (стоит отметить, что в творческом методе некоторых художников до начала работы над иллюстрированием книги присутствует этап сбора материалов, тщательное изучение быта, нравов той или иной эпохи). В связи с этим задача художника-иллюстратора состояла в том, чтобы

как можно точнее передать отраженную в тексте «реальность». Но критерий точности воспроизведения тех или иных эпох, событий, нравов определялся современностью.

Для иллюстраций 1930-х гг. в понимании так называемой «реальности» важным становится не столько внимание к «внешней бытовой оболочке», сколько к «глубокой правдивости и жизненности» героев. Представление о прошлом формируется, прежде всего, персонажами литературного текста, их характеристиками, поступками, событиями, связанными с ними. Причем, персонажи резко поляризуются на «хороших и «плохих», на «героев» и «антигероев» (при этом ранжировании художник должен слушать не свой собственный голос, а «голос своей эпохи»). В свою очередь положительные персонажи идеализируются.

Отметим, что обращение к персональному измерению и героизация характерны в целом для советской культуры 1930-х гг. и для исторической науки, в частности.

Практика художественного творчества, разумеется, оказывается намного сложнее и шире различных предписаний, требований и постановлений. Но определяющим для художников-иллюстраторов в их взаимоотношении с прошлым является характер самой эпохи тридцатых годов с ее стремлением подчинить все сферы общественной жизни государству, с ее идеологическим контролем и тотальным влиянием на массовое сознание.

О. А. Жукова (МПГУ, Москва)

Образ России: культурное предание и проблема преемственности исторического опыта

Современный исторический и цивилизационный контекст существования русской культуры, сохраняющей глубинную память христианского учения на уровне церковного, политического, духовно-нравственного и художественно-философского самосознания, имеет ряд особенностей. Они определяются, во-первых, технологическим универсализмом постиндустриальной цивилизации, во-вторых, – многоукладностью и поликультурностью жизненного пространства, демонтажем европоцентристской (=христианской) модели культурного и исторического развития. Участие в глобальном проекте современности ставит перед культурами, понимающими себя как некое историческое целое, вопрос о сохранении своей идентичности – о будущем, т.е. о творческом потенциале и пути развития традиций, что составляет сегодня главную проблему и для России, интегрирующим началом которой является русская культура.

Русская культура обладает колоссальным творческим потенциалом, выступая в качестве условия развития личности, что совпадает с целью культуры, как таковой, – целью созидания человека, воспитания его целостного мировоззрения. При этом картину мира, лежащую

в основе духовной и социальной практики русской культуры можно было бы назвать онтологическим (духовным) реализмом, в которой высшие цели и ценности человеческой жизни определяются образом и опытом достижения духовного идеала добра, красоты, истины, правды. Потому *творческое задание* русской культуры (И.А. Ильин) на протяжении тысячелетней истории с момента христианизации Руси простиралось во все области человеческой деятельности – от религиозной и художественной до государственной и семейно-бытовой. В XX в. «площадь поражения» традиций оказалась огромной, тем не менее, говорить о том, что творческая парадигма русской культуры разрушена – нельзя. Ее опыт может быть востребован и освоен современностью. Это потребует, в первую очередь, философской рефлексии исторического опыта – серьезнейшей и многосоставной культурной работы ученых, педагогов, гражданского общества, власти и религиозных организаций.

Речь идет о концентрации духовно-интеллектуальных усилий в формулировании новой жизнестроительной идеи мира – мира как универсума и как принципа мирного существования. Важнейшим здесь является вопрос о судьбе русской культуры в контексте современности: каким образом ее созидательные ценности и идеалы, выношенные в духовно-нравственной и художественно-философской традициях, отстаиваемые выдающимися представителями творческой интеллигенции, религиозными деятелями, должны стать доминантой мышления человека современности, определяемого политическими и финансово-экономическими реалиями жизни. Очевидно, в век сциентизма и экономического прагматизма ведущей политической идеологией становится позиция силы, скрывающая корпоративный интерес сверхэлит в борьбе за основные ресурсы жизни. В то же время культурная идеология старается избавить человека от бремени духовной и нравственной рефлексии, навязывая некритический тип мышления. В этой ситуации *новая гуманитарная инициатива может исходить от традиции культуры, продолжающей утверждать человека как высшую цель творения*. Слово русской культуры, выраженное в творческом опыте мыслителей, писателей, художников, духовных подвижников, должно быть не только услышано, но может быть принято в качестве культурной стратегии современности.

Для этого традиция русской культуры должна стать основанием культурного мышления человека нашей эпохи, требующей духовно ответственного типа поведения от своих участников. Это ведет за собой актуализацию нравственного сознания и в других мировоззренческих системах. Только в этом случае реализуется *стратегия человеческой деятельности как стратегия человека культуры*, где главными ценностями являются интеллект, знания, творчество, миролюбие, милосердие, взаимопонимание – ценности, которые были столь значимы для выдающихся представителей русской религиозной традиции и мыслящей интеллигенции. Национальные культуры, пе-

режив катастрофы XX в. и подойдя в своей социальной практике к опасной черте обрушения цивилизации, могут и должны почерпнуть силы в своих традициях, реализовать творческий потенциал научно-духовно-философского, художественного знания в разработке общей концепции политического устройства мира, культурного события народов и стран, модели цивилизационного развития.

Многосоставный вопрос гуманитарной инициативы русской культуры в современном мире касается как идеалообразующей стороны, так и проблемы организационных условий и управленческих решений. В духовно-практическом смысле, понимая наследие русской культуры как творческое задание, переданное от прошлого настоящему, созидая культурный мир современной России, сегодня важно объединять усилия государства, Русской Православной Церкви, общества, финансово-экономической и творческой элиты. Подобное умственное и общественное движение русского мира можно назвать путем *синтеза духовной и светской культур*.

Неоценимое природное и культурное богатство, одухотворенное трудом и творчеством нации, приобретает в истории русской культуры значение *храма-музея* – той категории нравственного и художественно-философского самосознания, которая оказалась значимой для человека, жившего на рубеже XIX-XX вв. Подобная концепция была воплощена в строительстве мемориального храма Христа Спасителя, воссоздана в литургических текстах С.В. Рахманинова, философски и богословски осмыслена представителями русского религиозного ренессанса. Культура как святыня и памятник, природные ландшафты как эстетически прекрасные образы творения остаются творческим заданием и для человека русской культуры рубежа XX-XXI вв. Здесь идеи сбережения и научения, познания и творчества по законам Духа, человека, общества, культуры, природы объединены, а гуманитарное знание приобретает значение культурфилософской и историософской рефлексии.

В этом смысле роль Историка в сохранении преемственности культурного опыта оказывается необходимым и значимым звеном в диалектике освоения исторического наследия нации, поскольку Современность с ее доминантой индивидуализированного рефлекслирующего сознания, говоря языком гуманитарной науки, понимает себя в пространстве культурной истории.

М. И. Козлова (Сыктывкарский ГУ)

Особенности конструирования образа исторической личности Петра I М. М. Щербатовым

В XVIII веке многие историописатели изучали личность Петра I, эта тема, была предметом острых политических споров. «Первым приступом» к историческому изучению Петра и его времени наука обязана Екатерине II, которая поручила историописателю

М.М. Щербатову разобрать архив этого государя. По мысли Е. Шмурло, в работе Щербатова «субъективные соображения уступают место объективному пониманию: преобразователь рассматривается как явление историческое, и суд над ним произойдет применительно к условиям его времени» (Шмурло Е. Петр Великий в оценке современников и потомства // ЖМНП. 1912. № 5. II Отд. С. 24).

Собственные представления об образе Петра I и о его реформах Щербатов изложил в публицистических произведениях «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого» (около 1782), «Примерное времяисчислительное положение во сколько бы лет, при благополучнейших обстоятельствах, могла Россия сама собою, без самовластия Петра Великого, дойти до того состояния, в каком она ныне есть в рассуждении просвещения и славы» (после 1782) и в трактате «О повреждении нравов в России» (1786–1789).

В произведении «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого» Щербатов описывает достоинства и недостатки первого российского императора, пытается оправдать поступки Петра I перед потомками. Через конкретные исторические примеры, античные аналогии раскрывается образ Петра I как исторического деятеля. Обнаруженные нами античные реминисценции носят беглый характер и рассчитаны на осведомленность читателя. Щербатов говорит о том, что все правители оставляют память о своих делах, по которой потомки составляют о них свое мнение. Римских императоров Флавия Веспасиана Тита (39–115 гг.), Марка Ульпия Траяна (53–117 гг.) и Марка Аврелия (Антонин (Марк-Анний Вер) (121–180 гг.), при которых процветало государство и народ, Щербатов называет идеальными. Имя Марка Аврелия, представителя позднего стоицизма, в XVIII в. служило синонимом просвещенного монарха. Как известно, он заботился о внутреннем благоустройстве империи, уделяя особое внимание законодательству и судопроизводству, написал сочинение «К самому себе» («Размышления»), которое является одним из лучших памятников моралистической литературы.

Если обратиться к античной нарративной традиции, то Тит предстает в ней как гуманный правитель, т.е. «любовь и отрада рода человеческого, наделенный особенным даром, искусством или счастьем снискать всеобщее расположение, – а для императора это было нелегко, так как и частным человеком и в правление отца не избежал он не только людских нареканий, но даже и ненависти» (Suet. Tit. VIII. 1). Тацит говорит о правлении Траяна как «о годах редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает» (Tac. Hist. I.1).

Щербатов говорит и о порочных императорах, чье правление было отмечено жестокостью и произволом, например о Калигуле и Домициане. Щербатов в «Рассмотрении о пороках...» говорит о том, как многие правители создают видимость того, что они обладают властью ради процветания государства и благополучия народа, на

самом же деле они преследуют исключительно корыстные интересы. Наиболее ярким примером такого государя, по мнению Щербатова, был Нерон Клавдий Цезарь. Этот римский правитель был «заражен самством» («самство есть ничто иное, как до крайности доведенное и поврежденное самолюбие»). Щербатов писал о том, что Нерон хотел казаться интеллектуалом, поэтом, лучше Гомера.

На наш взгляд, образ Петра I, описанный у Щербатова, в особенности в эпизоде про Стрелецкую казнь в значительной мере схож с теми римскими императорами, чье правление было отмечено жестокостью и репрессиями.

Щербатов также останавливается на взаимоотношениях Петра I и Екатерины I, сравнивая их связь с влечением античных персонажей. По сюжету античного мифа о Геркулесе, чтобы искупить свое убийство Эвритова сына Ифита, он был продан Зевсом в рабство лидийской царице Омфале. Влюбившись в нее, герой забыл о своих былых подвигах и стал угождать всем прихотям своей госпожи. В XVIII в., видимо, этот сюжет был хорошо известен благодаря картине Ф. Буше «Геркулес и Омфала» (1730-1739).

В этом произведении историописатель критику осознанно маскирует восхвалением заслуг монарха. Сначала Щербатов описывает отрицательные поступки Петра I, а затем ищет оправдание его действиям. Открыто о пороках российского императора Щербатов говорит в произведении «О повреждении нравов в России». В сочинении «Примерное времяисчислительное положение во сколько бы лет...» Щербатов описывает состояние России до реформ Петра I и пишет о том, смогла бы Россия постепенно прийти к тому результату, которого достигла при монархе. Щербатов главными недостатками своего государства до преобразований видел суеверие, безграмотность, местничество, отсутствие торговли, дефицит денег, беспорядок во властных органах, проблемы войск, флота. По мысли Щербатова, если бы не было преобразований Петра I, то Россия значительно бы отстала от просвещенного мира.

Итак, Щербатов тщательно проанализировал преобразования и личность Петра I, выявил недостатки и достоинства. По высказыванию С.В. Ешевского, Щербатов «был преисполнен глубочайшего уважения к Петру. Он не может только признавать законною резкость принятых мер» (Ешевский С. В. О повреждении нравов в России (сочинение князя М.М. Щербатова) // Сочинения по русской истории с портретом автора и биографией его, составленной К.Н. Бестужевым. М., 1900. С. 281). Щербатов считал, что положительными моментами реформ было то, что российский монарх, подражая европейским народам, ввел «познание наук, искусств и ремесел, военное порядочное устройство, торговлю и приличнейшия в свое государство». Но при этом Щербатов увидел главный просчет Петра I: «...сие действие Петра В. можно применить к действию неискusstнаго садовника, который у сла-

баго дерева отрезывает водяные, пожирающие его сок ветви; но как оно слабо и больно, то урезание сих ветвей, которыя чрез способ листьев своих, получающих внешнюю влагу, питали слабое дерево, отняв ее новых плодovitых ветвей произвело, ниже соком раны затянуло, и тут соделались дупла, грозящие погибелью дереву». По мысли Щербатова, стремясь поменять российский образ жизни, надо было сосредоточиться на его внутренней стороне, т.е. главное внимание обратить на образование, просвещение, привить в обществе желание учиться. А Петр I, пытаясь смягчить древние грубые нравы, в основном сосредоточился на внешней стороне «повелел брить бороды, отменил старинные, русские одеяния» и т.д., это привело к тому, что дворянство потеряло свои прежние ценностные ориентиры, и не обрело новые, что вызвало повреждение нравов.

Таким образом, сформированный М.М. Щербатовым образ Петра I был неоднозначным: с одной стороны, историописатель положительно оценивал преобразования российского общества, а с другой стороны, критиковал отрицательные качества личности Петра I.

И. П. Кулакова (МГУ / РГГУ, Москва)

Имидж человека науки в российской визуальной культуре с XVIII века до наших дней

В докладе рассматриваются способы конструирования визуального образа ученого в публичном дискурсе. Ле Гофф отметил, что интеллектуалы средневековья заимствовали харизматические элементы своего облика и способы презентации у церкви (имеются в виду кафедра, мантия, знаки отличия и пр.) (Ле Гофф Ж. Другое Средневековье. Екатеринбург, 2002. С. 206). Россия в XVIII веке, создавая Академию и университет, приняла как данность западную модель интеллектуальной деятельности с ее системой практик; но общество само наполнило эту модель содержанием, суть которого predeterminedил общий статус ученого в России. В целом академическую культуру России дореволюционного периода характеризовала высокая роль ученого в обществе, обеспеченная в том числе и символической составляющей. Целью исследования стал анализ изменения в способах репрезентации и саморепрезентации личности XVIII – начале XXI в.

Образ человека науки (то, что в XX в. стало называться имиджем) был, с одной стороны, порождением господствующих социокультурных стереотипов и установок; с другой стороны, личная позиция каждого определяла развертывание в собственном образе идей и эстетических представлений времени. Заказной портрет постепенно стал основным средством саморепрезентации интеллектуала XVIII в. Иконографический материал (мебель, аксессуары, одежда, изображения, помещенные на портретах) можно рассматривать как культур-

ный текст и анализировать его, извлекая «невербальную» информацию, расширяющую наши представления о культурных установках и ценностных ориентирах. Портреты «просвещенных дворян» XVIII – начала XIX в. демонстрируют прежде всего социальную репрезентативность и редко (хотя и все чаще) включают намеки на «интеллектуальную деятельность». Что касается ученых-профессионалов, на парадных портретах XVIII в. можно найти только некоторых академиков иностранного происхождения, работавших в рамках набирающей силы Петербургской Академии Наук. Ученых же российского происхождения за редчайшим исключением (М.В. Ломоносов, В.В. Петров) вообще не изображали (их было и в целом немного).

В XIX в. встречающийся все чаще «кабинетный» портрет несет большой информационный заряд, и коммуникативные средства здесь – костюм, поза, жест, выражение лица, фон изображения (интерьер, практически никогда – ландшафт). Фоном портретов все чаще становятся домашние кабинеты. Чрезвычайно информационно насыщенным является портретный образ «в халате», постепенно меняющий свою семантику.

Каким хотела видеть интеллектуала власть? Официальные символы и ритуалы, связанные с академической и университетской средой XVIII в., лежали прежде всего в русле культуры дворянской. Особым средством маркирования «академического» человека были университетские и академические мундиры, в которые ученые-профессионалы по воле государства облачились со второй половине XVIII в. Военизированный стиль (охвативший, кстати, и мундирную одежду чиновников всех мастей) сохранялся в университетской форменной одежде вплоть до 1917 г. Такое платье вкупе с «дворянской» шпагой придавало учению статус государственной службы, а значит, респектабельности.

Профессионализация интеллектуального труда с начала XIX в. запустила процесс формирования российской научной элиты, «субкультуры» со своей особой идентичностью (подкрепленная достаточно высоким символическим статусом). Изображение ученого за столом в кабинете, с привычными атрибутами интеллектуального быта – образ человека с развитым чувством собственного достоинства. Заказ такого портрета становится маркером «респектабельного человека». Как правило, лучшие представители академических кругов, заказывая портреты, стремились представить себя прежде всего «частным лицом».

Идет распространение фото, кабинетной фотографии, заменяющей отчасти живописный/графический портрет в конце XIX – начале XXI вв. (и наследующей традициям такого портрета). Распространяется практика фотографирования в лаборатории, библиотеке, с учениками. Тип снимка «в кабинете» распространяется вместе с практикой домашнего фотографирования.

В советский период власть, проводя политику создания «советской интеллигенции», закрепила именно «кабинетный» образ ученого – тот же живописный/графический портрет (в т.ч. книжная иллюстрация), плакат, фото (в т.ч. из иллюстрированных журналов). Кино становится излюбленным способом репрезентации образов «советских ученых». В звуковом кино (документальном и художественном) свою роль продолжают играть аксессуар, костюм и пр. Их дополняют общая драматургия и композиционные особенности изображения – техника «монтажа» с другими изображениями, планами; высказывания и отношение в целом других персонажей. Тип дореволюционного профессора-чудака в академической шапочке закрепился в киноискусстве, постепенно, однако, эволюционируя и отражая изменение роли науки в обществе (от инструмента выполнения партийных программ к могучему средству «холодной войны»). Это показывают новые кинообразы ученых 1960-1980-х, новые живописные портреты. Те же процессы отражает и литература. В целом ученый в глазах дореволюционного общества, наследованный обществом советским, это «*Persona Grata*», владеющая знанием, компетенцией, эталонами моральных и поведенческих норм, способствующая своим существованием прогрессивному развитию социума.

Российские интеллектуалы всегда находились в первых рядах модернизационных процессов любого периода российской истории. Постперестроечный интеллектуал является наследником своих предшественников – слоя дореволюционных интеллектуалов и «советской интеллигенции». Однако в действие вступило множество новых факторов, среди которых – развитие капитализма, изменение ритма жизни, появление новых культурных практик, переход к компьютерным коммуникациям и пр. Все это оказало влияние не только на содержание деятельности, но и на сам стиль поведения современного человека, на структуру его приватного пространства. При всей значимости «высоких технологий» авторитет академического человека стремительно упал. Более значимой кажется, например, роль «эксперта», человека науки, связанного с властью. Образ такого героя приобретает черты «статусного портрета» (живущего по законам человека «публичного»). Огромную роль приобретают блоги, иллюстрированные журналы и т.п. Кинематограф же игнорирует «академического человека». Впрочем, в самые последние годы киноискусство начинает прибегать к «образу современного ученого», достаточно условно изображая представителей ряда академических специальностей. Интересно, что именно «историк» все чаще привлекает внимание режиссеров, при том, что с реальностью это связано очень мало). Образ жизни академического человека, академические сообщества, академические ритуалы и повседневные практики становятся предметом внимания.

Наблюдения же над новейшими тенденциями бытования образа современного интеллектуала могут способствовать изучению российской культурной идентичности в целом.

**Историческая память и образы прошлого
в российской художественной культуре XIX – начала XX в.**

Одним из перспективных направлений развития исторической науки в наши дни является изучение исторической культуры общества – системного единства «исторической мысли», «типа исторического письма» и «представлений о прошлом» в коллективной памяти той или иной эпохи (Барт М.А. Историческое сознание как проблема историографии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 12-13). Это позволяет расширить традиционное проблемное поле классической историографии: так, чтобы понять внутреннюю логику методологических поворотов в исторической науке, следует учитывать, что история является не только отраслью научных знаний, но и частью идентификационных представлений, исторической памяти общества.

В настоящем исследовании рассмотрены два периода, когда методологические поиски, процессы смены парадигм в отечественной исторической науке совпадали по времени и по смысловой направленности с переменами в других сферах исторической культуры – в том числе в исторических жанрах искусства. Один из этих периодов – 1860-1870-е гг., «эпоха Великих реформ»; второй – начало XX века, «серебряный век» русской культуры.

Обращаясь к эпохе Великих реформ, следует отметить, что взаимодействие и внутренняя близость науки и искусства в деле формирования исторической памяти проявлялись тогда не только в форме коммуникаций между ученым, художником и публикой, но и на более глубоком – методологическом и даже эпистемологическом уровне. Реалистический роман, живопись, драматургия и профессиональная историография XIX в. опирались на одни и те же познавательные установки и следовали сходной методической практике, стремясь к достижению «эффекта реальности» при воссоздании образов прошлого (Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994; Novick, Peter. That Noble Dream: The «Objectivity Question» and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988; Ankersmith F.R. The Reality Effect in the Writing of History: the Dynamics of Historiographical Topology. Amsterdam; N. Y., 1989).

Однако историческая культура, сложившаяся во второй половине XIX в., была основана на парадоксе: «благородная мечта» об объективном познании прошлого сочеталась со стремлением к «суду над историей» с позиций народной Правды, общественных представлений об истине и справедливости. Эти стремления отразились не только в сфере профессионального историописания, но и в великом реалистическом искусстве пореформенной эпохи. Реалистическое воспроизведение прошлого, объективизм взгляда историка или ху-

дожника были призваны служить орудием, средством решения более насущных задач: в первую очередь восполнения сильной общественной потребности в исторической самоидентификации. Мифологизированные пласты памяти о прошлом, чтобы приобрести власть над умами и чувствами современников, должны были считаться строго научными, реалистическими мифами.

Ситуация изменилась, когда в последней четверти XIX в. в российских общественных науках утвердилась позитивистская парадигма, для которой было типично критическое, даже скептическое отношение к сформировавшимся прежде историческим мифам и образам прошлого. Поэтому к концу XIX в. пути науки и искусства в деле воссоздания исторического прошлого кардинально разошлись: искусство продолжало создавать исторические мифы, наука взяла на себя дело их критики.

В начале XX в. в российской культуре наметился принципиально новый – в сравнении с предшествующим периодом – подход к восприятию истории. Из художественного опыта «серебряного века» и религиозной историософии, из «критики исторического разума», из катастрофического опыта переломной исторической эпохи выросла новая тип исторической культуры, для которого был характерен интуитивизм, трактовка исторического познания как платоновского припоминания, поэтизация возрождающей силы памяти. Культуре «серебряного века» была свойственна иная, нежели в эпоху Великих реформ, направленность познания: целью исторического познания (или «исторического прозрения») был поиск уже не народной Правды, а религиозной истины, вечных замыслов Бога о мире. Это означало, что в предреволюционной культуре вновь оказалось востребованным историческое мифотворчество, метаисторические построения.

Едва ли можно считать случайностью, что методологическое оформление парадигмы «исторического прозрения» осуществилось в отечественной мысли именно после революции 1917 г. Постереволюционная культура российской интеллигенции – и «бывших», оставшихся в Советской России, и эмигрантов, создавших уникальный мир «русского зарубежья», – была проникнута чувством ностальгии и мучительным желанием отыскать высший смысл совершившегося. Именно в этих исторических условиях сложилось понимание исторической памяти как экзистенциального усилия, с помощью которого можно связать распавшуюся связь времен.

Отличительной чертой исторической культуры начала XX в. было то, что в ней соседствовали, переплетаясь друг с другом, и парадигма «суда над историей», и позитивистская парадигма, предполагающая социологизацию исторического знания, и формирующаяся модель «исторического прозрения», основанная на христианском неоплатонизме. Сочетанием этих принципиально разных подходов к целям и социальным функциям истории во многом определялся интеллектуальный климат «серебряного века».

Таким образом, смена парадигм исторического знания свидетельствует о столь же кардинальных изменениях других форм исторической культуры, о смене отношения к истории в целом: социум, проходя через ломку привычных стандартов и стереотипов мышления, вырабатывает новые способы познания прошлого и новые формы сохранения исторической памяти.

Т. В. Любчанская (Челябинский ГУ)

История материальной культуры в газете «Правда» (1930-1940 гг.)

Дискуссии о периодизации развития археологии в СССР в первые послереволюционные десятилетия заставили нас обратиться к нетрадиционному для историографов археологии источнику – средствам массовой информации.

В результате можно сказать: наибольшее количество сообщений об истории материальной культуры (40) в газете «Правда» приходится на 1934 г. По археологии СССР – 19, большая часть этих сообщений (17) приходится на период с мая по октябрь (при этом май – 1, июнь – 1, август – 7, сентябрь – 4, октябрь – 4). В основном освещаются раскопки в национальных районах (15). Семь сообщений затрагивают международные контакты советских археологов. Большое внимание в этом году уделяется различным формам академической работы. Целый ряд сообщений об изданиях. Очевидно, что такое количество публикаций связано с реформой структур Академии наук и появлением Постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школе». 1934 год выделялся Г.С. Лебедевым в качестве своеобразного рубежа в археологии, «соответственно изменялся (с присущей времени резкостью) спектр задач, стоящих перед археологией» (Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700-1971. Спб., 1992. С. 430).

Очень хорошо заметно это изменение в статье Г. Анбора «Академия истории материальной культуры» (Анбор Г. Академия истории материальной культуры // Правда. 1934. № 89 (31 марта). С. 2). В статье присутствует борьба с «буржуазными» учеными как дореволюционными российскими, так и с зарубежными. Щедро раздаются обвинения в фашизме. Заказ времени четко сформулирован как основная задача Академии: «Именно эта задача – конкретного показа исторического развития общества, процесса материального производства, классовой борьбы с живыми ее участниками, их идеологии на каждом качественно новом этапе – является основной задачей Академии в области изучения древнего мира и средних веков». Естественно, автор не забыл ни революцию рабов, ни яфетическую теорию Н.Я. Мара, ни вклад Академии в новое изучение истории («в связи с коренными недостатками в преподавании истории в средней и выс-

шей школах, о которых говорил товарищ Сталин, Академией подготовлено в настоящее время 5 учебников для вузов по истории докапиталистических обществ»). Актуальность древней истории, археологии подчеркивается неоднократно, поскольку «изучение «исчезнувших формаций»... важно не только для объяснения прошлого, но, главным образом, для того, чтобы, зная прошлое, можно было изменить настоящее и строить будущее».

Ни до 1934 г., ни после такого количества сообщений об археологии в «Правде» нет.

Наибольшее количество сообщений касается разного рода археологической деятельности в национальных районах СССР, лидерами являются Казахстан – 9, Украина – 8, Узбекистан – 6; Белоруссия – 5. Международная информация пропадает окончательно после 1936 г. Информация об организации экспедиций уменьшается количественно (по одной публикации в 1938 и 1939 гг.), но давалась она сотрудниками Академии истории материальной культуры с особой тщательностью, подробно описывались проведенные экспедиции, на каких памятниках они работали, сроки и результаты работы. Особое внимание обращается на исследование памятников каменного века, прежде всего, палеолита. В 30-е годы восприятие этих памятников напрямую связано с понятием коммуны.

Отражение развития археологии в 1930-е гг. в «Правде» мы рассматривали с точки зрения экзистенциального направления философии. Для философов этого направления важны такие позиции как качественность бытия и возможность самопознания экзистенции в пограничной ситуации отдельного индивида. На наш взгляд, экзистенцией обладают и различные социальные институты и явления, в том числе наука. Очевидно, что любая наука возможна только как существование явлений науки – статей, книг, диссертаций и т.п. – всего того, что придает качественность ее бытия. В то же время любая наука переживает кризисные моменты – пограничные ситуации, когда решается вопрос: будет ли она развиваться дальше или будет вырождаться. В такие моменты идет усиление саморефлексии науки. Можно сказать, чем глубже кризис, тем сильнее рефлексия. Она выступает в качестве пружины, дающей возможность выпрыгнуть из пропасти (качественный скачок, научная революция).

Поиски путей выхода из кризиса приводят к тому, что ученые пытаются максимально привлечь внимание общества. Тогда наука выходит за рамки внутренних интересов, а частнонаучные явления становятся явлениями культуры и политики. Неизбежным результатом становится широкое обсуждение проблем (и достижений) этой науки. Таким образом, широкое обсуждение явлений той или иной науки в обществе становится своего рода индикатором кризиса (проблемной ситуации – по В.Ф. Генингу) отдельной области исследований или целого комплекса направлений. Наибольшее число публика-

ций в 1930-е годы приходится на 1934 г., что позволяет указать на него как на рубежный в истории археологии – внимание общества было приковано к проблемам науки вообще, и археологии, в частности. Именно в это время определился дальнейший путь развития археологии как составной части марксистского гуманитарного знания.

Л. Н. Мазур (Уральский Федеральный университет,
Екатеринбург)

Образы сельской истории XX века в советском кинематографе 1920–1980-х гг.

Образы истории, т.е. массовые представления о характере, содержании и значении исторических событий и явлений, формируются в обществе разными способами. Один из основных каналов их создания – это историческая наука и образование, как способ трансляции научных знаний. Причем в этом информационном поле оказываются прежде всего историки, поскольку их становление и профессиональная деятельность непосредственно связаны с системой профессионального образования и господствующей в исторической науке парадигмой. Другой не менее значимый канал создания образов истории – это художественное творчество (искусство, литература, в XX в. – кинематограф). Обладая высокой степенью эмоционального воздействия, художественные произведения оказывают огромное влияние, закрепляя в подсознательном уровне как научные знания о прошлом, так и циркулирующие в обществе и поддерживаемые властью мифы.

Необходимо подчеркнуть, что научные труды по истории и художественные произведения являются вторичными текстами, составленными на основе авторской (научной или художественной) рефлексии прошлого. Однако информационная основа этих текстов разная. В основе исторических научных текстов лежат исторические источники (прежде всего письменные), проанализированные с помощью утвердившихся в науке методов и соответствующим образом верифицированные. Художественные произведения опираются на эмпирические авторские представления и испытывают на себе влияние как объективных, так и субъективных факторов, в том числе научных, мифологических представлений об изображаемом явлении, личного мнения и отношения автора. Художественные произведения часто апеллируют к научному знанию (вспомним А.С. Пушкина «Капитанская дочка») и отражают тенденцию к объективизации художественных образов, чему способствует талант и интуиция автора.

Классический спор о том, является ли история наукой или разновидностью художественного творчества, в этом свете находит простое разрешение. Историческое познание может опираться на разные методы: во-первых, на научные подходы; и, во-вторых, на приемы

художественного отражения действительности. Искусство, литературу, художественный кинематограф в этом случае можно рассматривать как специфический способ познания окружающего мира и исторической реальности, в частности, где используются присущие художественному творчеству приемы – образы, создаваемые средствами музыки, живописи, кинематографа, литературного языка.

Особенностью художественных текстов, к которым относится и художественный кинематограф, является двухуровневая рефлексия (общественная и авторская), т.к. их создание опирается на те представления, которые существуют в общественном сознании и отражают их, но кроме этого большое значение имеют авторское видение прошлого, преломленное через художественные образы. В этом смысле художественные произведения позволяют в большей степени, чем исторические научные труды, реконструировать образы истории. Кинематограф обладает дополнительными средствами отражения и конструирования исторических образов, т.к. позволяет их визуализировать. Ощущение реальности, которое вызывает кинематограф у зрителя, дополненное эмоциональным восприятием, превращает его в грозное оружие манипулирования массовым сознанием. Это всегда хорошо осознавалось властью и активно использовалось для утверждения новой мифологии, идеологических, нравственных, эстетических и этических установок.

Кинодокументы относятся к чрезвычайно интересным, но пока малоизученным источникам, позволяющим исследовать разные исторические темы. С учетом характера подачи информации художественные фильмы можно условно подразделить на две категории: ретроспективные фильмы, в которых изображаются явления прошлого и фильмы, отражающие события в режиме реального времени, т.е. современность. Первая группа фильмов интересна с точки зрения изучения транслируемых образов прошлого. Содержание исторических образов и особенности их художественного отражения определяются с одной стороны, социальным заказом власти, а с другой стороны, уровнем их научности и мифологичности, а также авторским отношением. Вторая группа фильмов является уникальным источником, позволяющим реконструировать разные стороны повседневности (быт, обстановку, образ жизни, поведение, отношения людей) и декларируемые обществом и государством ценности, проанализировать актуальные проблемы и предлагаемые способы их решения.

Возьмем для анализа комплекс кинодокументов, которые объединены сельской тематикой, т.е. посвящены проблемам деревни и сельской жизни. Всего с 1920 по 1991 гг. по сельской тематике (ретроспективной и актуальной) было создано около 500 кинолент, что составляет 7,8% от общего объема кинопродукции (Расчеты произведены на основе сведений мультимедийной информационно-справочной системы «Энциклопедия кино Кирилла и Мефодия» (2003 г., 2-е изд.),

где собрано 22135 статей по истории кино, в том числе 6426 аннотаций советских фильмов. Полнота энциклопедии не является абсолютной, есть фильмы, не попавшие в поле зрения составителей. Однако на сегодняшний день энциклопедия дает наиболее репрезентативную информацию). Причем ретроспективные картины составляют не более 10% от количества деревенских фильмов, что во многом объясняется затратностью и сложностью создания исторических картин.

Тематическое и жанровое разнообразие кинокартин непосредственно связано с задачами и техническими возможностями советского кинематографа в разные исторические периоды. В 1920–1930-е гг. советский кинематограф является одним из наиболее эффективных и мощных каналов пропаганды новых советских идей и образов. В этот период ретроспективное кино связано преимущественно с формированием представлений о беспросветной жизни деревни в дореволюционный период и тяжелой борьбе крестьян с помещиками, кулаками, т.е. деревня рассматривалась как поле классовой борьбы. Большинство из ретроспективных фильмов основаны на литературном материале, как например фильм «Помещик» (1923 г., реж. Вл. Гардин), снятый по поэме Н. Огарева и повествующий о сластолюбивом барине и трудной доле его крепостных. Или «Победа женщины» («Боярин Никита Юрьевич», 1927 г., реж. Ю. Желябужский), который был снят по повести Н. Лескова «Старые годы в селе Плодомасове» и рассказывал о быте и нравах бояр в период правления Петра I. Для кино того времени, как и для других видов художественных произведений свойственно жесткое деление на положительных (крестьяне) и отрицательных (помещики) героев и их противопоставление.

Эти же тенденции характерны для кинематографа начала 1930-х гг. Сюжеты классовой борьбы пронизывали деревенское кино, в котором повествовалось о событиях текущих – коллективизации, борьбе с кулаками и вредителями. Благодаря формированию в сельской местности стационарной сети кинопроката, дополненной кинопередвижками, деревня становится одним из важнейших потребителей кино, особенного зрелищного, что оказывает влияние на стилистику и способ презентации информации. Для мифологизации сознания сельских жителей потребовалось использовать другие художественные образы, более привычные, связанные с традициями народного балагана, ярмарки, лубка. Интересно, что в этот период создается достаточно мало ретроспективных фильмов, причем среди них появляется жанр сказки (например, «Василиса Прекрасная», реж. А. Роу, 1939), который переносит прошлое деревни за грань реальности.

Советская история деревни стала предметом отражения кинематографа значительно позднее, в 1960-е гг. Это время («оттепель») в целом характеризуется возросшим интересом к прошлому, прежде всего революционному. Для ретроспективного кино этого периода характерно стремление показать человека на фоне крупных исторических собы-

тий (война, революция), высвечивающих с особой силой его душевные качества, поставить героя в ситуацию выбора. Так, например, в драме А. Салтыкова «Бабе царство» (1967 г.) повествуется о судьбе деревенской женщины в годы войны, ее удивительном мужестве и внутренней силе, позволившей пережить смерть близких и весь ужас оккупации. Несколько особняком стоит фильм Л. Шепитько «Родина электричества» (1967 г.), поставленный по новелле А. Платонова и рассказывающий об электрификации села в начале 1920-х гг. Небольшой сюжет о том, как в деревне заработала динамо-машина, позволившая подвести воду к засыхающим полям, стал основой для понимания природы чуда. Это то, что ты делаешь сам и своими руками.

В 1970-е гг. тональность фильмов о селе несколько изменилась. Появляются ретроспективные фильмы с попыткой панорамного освещения истории советской деревни. В них все меняется местами: не человек в истории, а сама история становится героем фильма. В 1971–1973 гг. был снят многосерийный фильм «Тени исчезают в полдень» (реж. В. Краснопольский, В. Усков), ставший одной из первых попыток дать общую картину тех изменений, которые произошли в деревне за годы советской власти. Он был поставлен по роману А. Иванова, написанного в 1963 г. Несмотря на стремление показать историю Гражданской войны, коллективизации, послевоенного восстановления через судьбы героев, авторам фильма все же не удалось очеловечить исторические образы. Красной нитью через все повествование проходит тема борьбы света и тени, коммунистического и капиталистического начала, которые рассматриваются через призму мифологических категорий «добро-зло». Подобный подход к подаче исторического материала сохранился и в более поздней экранизации произведения А. Иванова «Вечный зов», поставленной теми же режиссерами в 1973–1981 гг. Данные фильмы презентуют устойчивые образы сельской истории, сложившиеся к этому времени в общественном сознании и транслируемые официальной исторической наукой. Основная задача кино – показать безальтернативность исторического процесса, его однозначную прогрессивность и закономерность. Во многом это удалось авторам. Исторические события, объединенные образами героев в непрерывную необратимую реальность, формируют у зрителей осознание неизбежности победы добра над злом, и построения нового деревенского мира, кардинально отличного от дореволюционного.

Интерес к исторической повседневности, жизни довоенной деревни в ее бытовых и человеческих проявлениях, появляется в 1980-е гг. Достаточно показательным с этой точки зрения выглядит фильм «Еще до войны» (1982 г., реж. Б. Савченко), снятый по повести В. Липатова. В нем рассказывается история не сложившейся любви деревенского парня и приехавшей из города девушки. Лиричность и поэтизация колхозной деревни усиливается знанием авторов и зрителей о надвигающейся войне, которая разрушит этот светлый мир. В

фильме нет отголосков тех страшных событий, которые происходили в стране в это время – репрессий, нет отзвуков классовой борьбы – обязательного фона ретроспективного кино более раннего периода. Есть почти идиллическая картина благополучной жизни довоенного села, которая стала к этому времени одной из мифологем исторической науки. Ужасы коллективизации и послевоенного прозябания деревни были уже незнакомы новому поколению ученых и кинематографистов, и они формируют новые образы истории, отражающие успехи советской власти и в известной степени идеализирующие прошлое, что в целом характерно для сознания людей.

В конце 1980-х гг. в условиях перестройки образы истории начинают трансформироваться в соответствии с новыми задачами – ликвидация белых пятен, возникших в информационном поле истории и замененных в общественном сознании классовыми мифологемами. Как и в 1960-е гг. снова появляется потребность посмотреть в лицо фактам и отразить их в художественных образах. История советской деревни, ставшей «жертвой» индустриализации, коллективизации, Великой Отечественной войны, приобрела новые, более реальные черты. Востребованной со стороны кинематографистов стала точность к бытовым мелочам, поиск новых героев и их образов. Примером такого кино может служить фильм «Во бору брусника», снятый в 1989 г. реж. Е. Герасимовым и повествующий об истории деревни и ее жителей в послевоенные годы и затем 1970-е гг. Художественный прием – создание двух временных срезов истории деревни – позволили авторам реконструировать два исторических образа деревни, которые противостоят друг другу внешне, но не меняются в главном. Сохраняется восприятие деревни как особого мира, где основой всего выступает доброта, верность, человеческое отношение к природе и окружающему миру. Созданный на исходе советской эпохи, этот фильм, с одной стороны стал порождением урбанизации, несущей свои этические и эстетические нормы, а с другой, попыткой сохранить в форме художественного произведения значимые для общества черты сельской истории.

Краткий обзор исторических ретроспективных фильмов, посвященных сельской тематике, свидетельствует о значительном потенциале художественного кино как носителя информации о способах формирования и семантике тех исторических образов, которые были одобрены властью и созданы научной и творческой интеллигенцией на разных этапах истории. Дальнейший анализ требует изучения всего комплекса кинодокументов, использования специальных методов, основанных на принципах визуальной антропологии для сбора необходимой информации, и выявления тех исторических сюжетов, которые можно рассматривать как базовые для реконструкции исторических образов прошлого.

История на страницах журналов Москвы и Санкт-Петербурга второй четверти XIX века

Рядом авторов отмечено, что вторая четверть XIX в. – время зарождения исторического самосознания (А.Г. Тартаковский, М.П. Мохначева, А.Д. Зайцев). Интерес к прошлому выходит за рамки профессиональной среды, становясь потребностью образованной части общества. Историческая тема становится одной из основных в книжном репертуаре, начинается публикация источников на страницах современной печати.

Смысл периодической печати как вида исторических источников – структурировать общественное мнение. С этой точки зрения вполне естественно сращивание в XIX в. периодической печати и публицистики. Последнее в свою очередь позволяет сказать, что журналы становятся единственной возможностью, где российские публицисты могут дискутировать по общественно значимым вопросам. Правда, перед исследователем в этом случае встает задача дифференцировать публицистику и другие виды источников в журнальной периодике. Наконец, отметив значительное место исторической тематики в журнальной периодике, правомерно поставить вопрос об интересе к ней в дискуссиях русских публицистов.

Исследование, проведенное на материале «Сына Отечества», «Московского Телеграфа», «Библиотеки для чтения», «Вестника Европы», «Телескопа», «Молвы», «Современника», «Отечественных записок» позволяет сказать, что названия рубрик не указывают на видовую принадлежность материалов с той степенью точности, которая нужна для уверенного определения их как публицистики, т.е. исторических источников, возникающих в общественной сфере, призванных выражать явно или имплицитно мнение какой-либо социальной группы об общественно значимой проблеме. Мы будем ориентироваться в выборе материала на следующие критерии: злободневность затрагиваемой проблемы; явная авторская оценка, выраженная в употреблении оценочных выражений; в то же время – аналитическая направленность, предполагающая ретроспекции; наличие обращений к читателю.

Итак, начиная со второй четверти XIX в. на страницах журналов публикуются исторические источники. Они попадают в разные рубрики журналов, затем появляются специальные отделы. Во второй половине XIX в. появляются специализированные журналы по истории. Но все же публикация источников не меняла их первоначальной функции. Журнал, поддерживая эту тенденцию, стремился быть востребованным среди читательской аудитории. Но никакого диалога публицистов вокруг размещения источников на страницах прессы не велось.

Исторические вопросы занимали место не только в специализированных рубриках журнала. Так, в «Московском Телеграфе» (1836. Ч. 7. С. 108-118) помещен исторический обзор, автор которого подчеркивает: «угроза исходила от Франции. Франция, правимая железной рукой Наполеона, уже грозила тогда разрушением политического равновесия на твердой земле Европы... Что сделалось с миром в следующие 10 лет. В Европе с восстановлением прежнего порядка установилось совершенное равновесие. Франция, введенная в прежние свои силы, перестает грозить всеобще гибелью». Еще один пример подобного описания новостей находим в журнале «Сын Отечества» в рубрике *Современная история и политика*: «В минувшем году первую степень важности исторической являла Россия твердая верою, любовью к царю своему, постоянством политической системы своей, именем Царя... Не столь отрадную картину представляют два других сильных европейских государства Франция и Англия...» (Сын Отечества. 1838. Т. 1. С. 3). История интересует авторов этих заметок в той степени, в какой она соотносится с актуальной политикой. Этот факт вполне соотносится с основной функцией периодического издания — организовать мнение общества.

В журналах этого времени наряду с историческими источниками начинают публиковать исторические исследования. Например, в рубрике *История* в журнале «Сын Отечества» за 1828 г. (Ч. 120. С. 329-347) были опубликованы «Размышления о войне 1812 года», в «Московском Телеграфе» за тот же год (Ч. 19. С. 1-33) — «Отрывок из Истории войны на Пиренейском полуострове, сочиненной Робертом Соути». Но подобные заметки не соответствуют ни одному из указанных выше признаков публицистики, и их публикация на страницах печати не делала их таковыми.

Раздел журналов, где публицисты вели дискуссию о насущных проблемах современного им общества, был посвящен главным образом критическим очеркам. «Отделение критики есть важнейшая часть журнала, которая определяет не только характер его и достоинства, но и умственное право его существования. Важность критики устанавливается там, где еще не установилось общественное мнение», читаем в «Сыне Отечества» (1847. Т. 6. С. 1). Однако истории в соответствующих рубриках отводилось незначительное место. Вот пример критики В.Г. Белинским «Краткой истории» Мишле: «В книге Мишле есть очень плохая компиляция... несвязанный бред». Тем не менее, В.Г. Белинский не упускает возможности, подчеркнув научную слабость Мишле, отметить его качества как заурядного француза: «опять виден француз, говорун и болтун по природе своей» (Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 2. С. 473, 475).

Надо отметить, что публицистические очерки второй четверти XIX в. отличаются тем, что их название совершенно не соответствует теме. Так, все критические заметки, посвященные историческим сочи-

нениям, заполнены в большей степени моральными оценками. Мишле стал «говоруном французом», Дюма «возвещал миру, как любить женщину», Гюго «объявлял себя защитником всех гонимых». Ни о политике, ни о деяниях государей речь не шла вовсе: «Вы правы, но в русском народе веселость и ум — также врожденные качества. Не мудроно веселиться под светлым небом Франции, под тенью каштанов, но у нас среди трескучих морозов, в дымных избах или в тяжком труде крестьянин всегда весел» (Сын Отечества. 1836. Т. 5. С. 17).

Таким образом, вопросы истории интересовали русских публицистов в первую очередь потому, что они давали нравственные примеры. Авторы исторических сочинений оценивали не в контексте заслуг наукотворчества, а как представителей той или иной социальной категории (национальной, гендерной, профессиональной и др.). История в восприятии русских публицистов второй четверти XIX в. была орудием оратора, но не предметом рефлексии.

О. А. Полянина (Башкирский ГУ, Уфа)

Образ земского служащего в художественной литературе

Модернизация социально-политической, культурной и хозяйственной жизни России конца XIX – начала XX в. неразрывно связана с деятельностью органов земской власти. Своеобразной формой признания общественной роли данного института самоуправления стало постоянное звучание земской темы в русской художественной прозе. Горячо спорят о необходимости земских учреждений герои «Анны Карениной». «Свободолюбивостью и демократичностью» своего земства гордится безымянный статистик из рассказа И.А. Бунина «Архивное дело». В ряду земских служащих числится не менее двух десятков чеховских персонажей. Кроме того, представители «третьего элемента» появляются на страницах произведений Г.И. Успенского, М.Е. Салтыкова-Щедрин, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.И. Куприна, В.В. Вересаева, М.А. Булгакова.

Некоторые из названных авторов имели личный, хотя и кратковременный, опыт земской службы. Двадцатидвухлетний И.А. Бунин около года исполнял обязанности библиотекаря, а затем статистика Полтавской земской управы. Земская больница стала первым местом работы выпускника медицинского факультета Московского университета А.П. Чехова. Знаменитые «Записки юного врача» с документальной точностью воспроизводят реалии работы М.А. Булгакова в Никольской земской больнице Смоленской губернии.

Остановимся на профессиональном составе литературных земцев. Бесспорное первое место по частоте упоминаний принадлежит врачам. Разумеется, в ряде произведений врач появляется только как второстепенный персонаж, необходимый автору во время болезни или смерти кого-либо из героев. Так, земский доктор Варвинский, «моло-

дой человек, блистательно окончивший курс в Петербургской медицинской академии», сопровождает исправника и прокурора во время расследования убийства Федора Павловича Карамазова (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы). Другой земский врач пытается облегчить последние часы героини чеховской «Драмы на охоте». Один из любимых толстовских персонажей Константин Левин, разочаровавшийся в земском деле после работы гласным, тем не менее, вызывает врача для своей няни. «Загнанные, как почтовые клячи, земские врачи» на миг появляются и у А.И. Куприна (Куприн А.И. Черная молния).

Таким образом, даже в рамках крошечного эпизода писатели вольно или невольно демонстрируют уважение к профессионализму и работоспособности врачей. Еще более высокий идеал самопожертвования, трудолюбия, любви к ближнему характерен для произведений, посвященных взаимоотношениям врача и общества. Едет к больной, оставив жену у постели умершего сына, чеховский доктор Кирилов (Чехов А.П. Враги). Его коллега Соболь тратит редкие свободные минуты на организацию помощи голодающим (Чехов А.П. Жена). Самоотверженный труд медиков по своему ценят даже самые «темные» персонажи Чехова. В непоколебимой надежде на земского врача Павла Иваныча и его «капельки» гонит лошадь пьяница Григорий Петров (Чехов А.П. Горе). Как к высшей судебной инстанции обращается к доктору рабочий Васька, умоляющий об освобождении из арестантской палаты своего брата (Чехов А.П. Темнота).

Главный герой уже упоминавшихся «Записок юного врача» обливается «прохладным потом», представляя, что ему придется впервые самостоятельно делать трахеотомию или оперировать гнойный аппендицит, но он «несет в себе одну мысль – как спасти? И этого – спасти. И этого! Всех». Первые удачные операции приносят двадцатитрехлетнему доктору «славу, под тяжестью которой он чуть не погиб». Почти сотня амбулаторных больных ежедневно, стационарное отделение на 30 человек, ночные разъезды в холод и вьюгу делают непозволительной роскошью не только сон, но даже бритье и купание (Булгаков М.А. Записки юного врача).

В таком же темпе «бешеной гонки», постоянно рискуя заразиться грозными инфекционными болезнями, трудятся земские врачи В.В. Вересаева (Вересаев В.В. Без дороги; Вересаев В.В.). «Собачьей службой» зовет свою работу доктор Никашка из рассказа Мамина-Сибиряка. Не останавливаясь на профессиональной деятельности героя, автор обращает внимание на его душевные качества: «оставшись на всю жизнь» «в простой поддевке и сермяжке», Никашка приютил спившегося брата и помешавшуюся сестру (Мамин-Сибиряк Д.Н. «В худых душах...»).

Нет необходимости доказывать, что не все, хотя и очень многие, реально жившие врачи являлись образцом самоотверженности и бескорыстия. Отголосок этих противоречий слышится в словах одного из героев Мамина-Сибиряка, заявившего, что «мода» на земских докто-

ров, каждый из которых «так и смотрит героем», пошла «с легкой руки наших маститых беллетристов» (Мамин-Сибиряк Д.Н. «Все мы хлеб едим...»). Вместе с тем, выбор земского врача в качестве идеала жертвенного служения народу не мог быть случайным. Пример каждодневной, деятельной заботы о ближнем соединялся в этом образе с тем свежим ветром, который чувствовался современниками в слове «земство».

О. С. Поршнева (Уральский Федеральный университет,
Екатеринбург)

Историография и источники изучения образов союзников в сознании российского общества в годы Первой мировой войны

Актуализация изучения образов-представлений о «другом», формирующихся в процессе взаимодействия народов, определяется интенсификацией межкультурных контактов в условиях глобализации. Преодоление в постсоветский период теоретической разобщенности отечественной и зарубежной научных традиций, новое осмысление источников благотворно сказались на изучении в нашей стране истории взаимовосприятия народов, социумов и культур.

В 1990-е гг. появились первые публикации, посвященные образу «чужого» в конкретно-историческом контексте назревания и протекания Первой мировой войны, написанные в жанре исторической имагологии или близких методологических подходов, в частности, исторической антропологии и военно-исторической антропологии. В 2000-е гг. вышли в свет монографические исследования, в которых рассматривается проблема восприятия российским обществом противников и союзников своего государства в условиях войны и мира. В современных исследованиях убедительно показана множественность образов западных государств и народов, формировавшихся в конце XIX – начале XX в. в рамках рационального и элитарного дискурсов, в то же время проблема становления и эволюции образов западных стран-союзников России в массовом сознании общества накануне и в годы Первой мировой войны изучена до сих пор явно недостаточно.

В статьях и монографических исследованиях формирование и эволюция образов союзников в сознании российского общества накануне и в годы Первой мировой войны рассматриваются либо как один из ряда других сюжетов, либо в более широких хронологических рамках, что предопределяет показ главным образом базовых тенденций и основных форм восприятия союзников общественным сознанием и различными группами социума. В связи с этим можно констатировать назревшую необходимость создания специальных исследований, в которых эта тема получила бы комплексное освещение, а образы союзников рассматривались в плотном историческом контексте, в их социокультурных репрезентациях и формах бытования.

Источниками для такого изучения может стать совокупность документальных комплексов различного происхождения. Наиболее массовым из них, обладающим достаточно высоким уровнем репрезентативности, являются материалы периодической печати. Накануне и в годы Первой мировой войны газеты служили основным источником внешнеполитической информации не только для города, но и в значительной мере для деревни. Они были важнейшим каналом проникновения в широкие слои населения и средством формирования внешнеполитических стереотипов. Возникновение и развитие влиятельных средств массовой информации, отражающих широкий спектр общественных воззрений, было одним из проявлений становления в России в начале XX в. в процессе буржуазной модернизации «массового общества», перехода к методам массовой политики и пропаганды. Под влиянием массовых газет формировался целый спектр представлений о действиях, мотивах и свойствах союзных государств и народов, их отношениях с Россией. Пресса формировала и закрепляла символы-мифы общественного сознания, устойчивость которых зависела от хода событий, влияния социокультурных факторов, актуализированных и трансформированных мировой войной.

Другой значимой группой источников, пригодной для изучения темы, являются информационные материалы и сводки о настроениях населения специальных ведомств МВД (Департамента полиции) и Военного министерства царского и Временного правительств (военно-цензурные, а затем военно-политические отделы Генерального штаба, штабов фронтов и военных округов). Несмотря на то, что они содержат такой компонент, как оценки и суждения их составителей, интерпретирующих собранную информацию, они позволяют выявить наиболее общие тенденции общественных настроений, типичные суждения, представления, многократно упоминавшиеся в донесениях наблюдателей. Жандармские ведомства, подчиненные Департаменту полиции, в силу своей специфики и предназначения были заинтересованы в поддержании и обосновании необходимости своей деятельности, а потому не упускали из поля своего зрения малейшие проявления инакомыслия.

Представители органов политического надзора и цензуры в царской армии в силу своей бюрократической природы были в меньшей степени склонны акцентировать внимание на негативных тенденциях. В то же время их регулярные отчеты были унифицированы, а в дореволюционный период содержали не только информацию о процентном соотношении корреспонденции разного характера («бодрых», «угнетенных», «уравновешенных» или: «с патриотическими высказываниями», «с пожеланиями мира», «без упоминаний о войне», «с жалобами»), отрывки из наиболее типичных писем каждой категории, но и тематические рубрики, выделявшие группы вопросов армейской жизни и быта, внутренней и внешней политики и т.д., затрагивавшиеся в солдатских письмах. Абсолютное большинство солдатских писем не содержало суждений по политическим вопро-

сам, лишь задержанная военной цензурой корреспонденция позволяет выявить внешнеполитические представления и стереотипы, не укладывавшиеся в рамки официальной концепции войны, в том числе судения и мнения о союзниках и противниках России.

Широкий спектр общественных настроений и суждений, характеризующих представления о союзниках, можно реконструировать по документам личного происхождения – воспоминаниям, дневникам, письмам, являющимся важнейшей группой источников по теме. В них фиксируются субъективные переживания и осмысление событий, а также факты, характеризующие поступки авторов мемуаров и их современников, отражающие ценностные установки, идеи и представления людей, значимые для изучения восприятия ими союзников. Воспоминания, созданные по прошествии времени, в отличие от дневниковых записей, могут содержать искаженные оценки, обусловленные влиянием политической конъюнктуры или абберацией памяти, поэтому их сведения необходимо особенно тщательно сопоставлять с данными других источников. Комплексное использование информации источников личного происхождения в совокупности с данными других документов, их критика и взаимная проверка позволяют выявить характерные для тех или иных личностей, социальных или политических групп оценки и представления.

М. И. Роднов (Институт истории, языка и литературы
УНЦ РАН, Уфа)

Конструирование образа крестьянства (современная историография Башкортостана на переломе эпох)

В общеуральской историографии XX в. только в Башкирии сложилась сильная школа историков-аграрников (по дореволюционному периоду), в других регионах изучением крестьянства занимались и занимаются единичные исследователи. Объясняется это тем, что Башкортостан один из крупнейших аграрных регионов на Урале и в России, а, с другой стороны, большой интерес к национальной истории также стимулировал повышенное внимание к аграрной проблематике. Повлияло и создание в Уфе (в начале 1950-х гг.) мощного академического центра (ныне УНЦ РАН).

Крах коммунистической идеологии в 1991 г. и складывание новой историографической ситуации в стране совпали с постепенной сменой поколений. Бесспорный лидер в аграрно-крестьянских исследованиях в Башкирии Х.Ф. Усманов (1923–2009) выпускает обобщающий труд по истории края (История Башкортостана с древнейших времён до 60-х годов XIX века / Отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа, 1996), но в последующие годы отходит от научно-исследовательской работы. В последних своих книгах Б. Х. Юлдашбаев (1928–2001) не отказался от прежних взглядов: в башкирской деревне в начале XX в.

происходило «социально-экономическое расслоение», разложение общинных порядков, башкиры вступили «на путь свободно-рыночного капитализма» (Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. XX век. Этноисторика. Уфа, 1995. С. 14; Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 38).

Однако коммунистическое наследие сохраняется в современной историографии Башкортостана, пережившись под национальные знамёна. Место эксплуататоров (помещиков и капиталистов) заняли русские царизм и колонизаторы. Наиболее откровенные посткоммунистические взгляды высказывает А.М. Юлдашбаев: «гнет царского самодержавия был жесток, а развитие капитализма при сохранении многих пережитков феодального средневековья ещё более ухудшало положение башкирского и татарского крестьянства», а причиной «столь дружного выступления башкирского народа с оружием в руках ... за автономную государственность в составе России является специфическое положение башкир, выразившееся в массовом их обеднении при сохранении в их наделе больше земли» (Юлдашбаев А.М. Земельный вопрос и национальные отношения в Башкортостане в начале XX века. Уфа, 2007. С. 47, 63).

В более завуалированной форме, но по сути то же «перепевание» марксизма встречаем в трудах преподавателей истфака Башгосуниверситета [5], итогом усилий которых стал обобщающий труд по истории края. Пореформенный период по-прежнему предстаёт мрачной эпохой, а не началом модернизации. Вторая половина XIX – начало XX в. – «это время является самым тяжелым периодом башкирской истории» (История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: В 2 т. / Под ред. И.Г. Акманова. Т. 1: История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века. Уфа, 2007. С. 373) (к слову раздел по XVI–XVIII вв. назван как «героический период в истории башкирского народа»).

После краткого (на 4 стр.) рассказа об отмене крепостного права и кантонной системы, аграрный строй рассмотрен в трех параграфах: «Аграрная политика правительства» (автор А.И. Акманов, стр. 390-398), почти целиком посвящённого расхищению башкирских земель, «Хозяйство и социальные отношения башкир» (стр. 399-408), «Хозяйство русского и нерусского населения, их положение» (стр. 408-412, автор обоих Р.З. Янгузин). Разделив все крестьянство Уфимской, Оренбургской и частично Пермской губерний на башкирское, русское и нерусское, историки БашГУ показали, что жило оно плохо. Более того, «в конце XIX – начале XX в. башкиры оказались на грани вымирания», что «нельзя не квалифицировать как последствия проводимой в Башкортостане в отношении коренного населения колониальной политики русского царизма». Далее, видимо, читатель должен задуматься о спасительном социализме. Затем на двух страницах следует беглый рассказ о русском и «нерусском» крестьянстве и страница о помещиках.

Во втором томе (автор Н.М. Калмантаев) есть параграф «Сельское хозяйство Башкортостана в начале XX в.» (стр. 28-34), где на шести (!) страницах уместилась история более чем 90% населения края, включая Столыпинскую реформу, а в выводах опять встречаем про рост числа бедноты, «особенно среди башкир-вогичников». Далее крестьяне мелькают среди революционных выступлений, целых два абзаца (стр. 74) посвящены деревне в годы Первой мировой войны, в общем это тезисно-трагикомическое освещение судеб подавляющей части жителей Южного Урала.

Одновременно в прошедшие два десятилетия активные исследования по аграрно-крестьянской проблематике проводились в Уфе (ИИЯЛ УНЦ РАН) и Стерлитамаке (педакадемия). Продолжая начатую Х.Ф. Усмановым в 1996 г. многоотную историю Башкортостана, основой академического варианта стали работы по новым историческим источникам, изучению социальной структуры крестьянства Уфимской губернии, формированию хлебного рынка.

В академической (РАН) истории Башкортостана, видимо впервые в стране, по пореформенному периоду опубликован двухтомник, что дало возможность подробно проанализировать положение многонационального крестьянства края. Уже в первом томе аграрной проблематике посвящены два параграфа в главе о великих реформах (автор Б.С. Давлетбаев), есть целая глава по земельному вопросу и отдельный параграф о начале модернизации аграрного строя (История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. В 2 т.: Т. I / Отв. ред. И.М. Гвоздикова, М.И. Роднов. Уфа, 2006). Во второй том вошли параграф «Многоукладный аграрный строй Башкортостана в начале XX в. Столыпинская земельная реформа» (30 стр.), с анализа сельского хозяйства начат показ экономики края в годы Первой мировой войны (История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. В 2 т.: Т. II / Отв. ред. И.М. Гвоздикова, М.И. Роднов. Уфа, 2007). Оба тома снабжены обширными приложениями – списками населённых мест Оренбургской, Пермской губерний и пр.

Отдельные сюжеты по истории крестьянства затрагиваются в работах по другим темам, хватает, к сожалению, халтуры, бессодержательных публикаций ради пополнения своего списка «научных» трудов. Проявляют интерес к истории крестьянства края учёные сопредельных регионов (Богатырева О.Н. Институт земских начальников и крестьянское самоуправление на Урале (конец XIX – начало XX в.) // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв.: К 90-летию со дня рождения В.В. Адамова. Екатеринбург, 2004; Голикова С.В. Земская агрономическая организация Уфимской губернии // Пахари и агрономы Урала в XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2004; Назыров П.Ф. Аграрные отношения на Южном Урале в годы гражданской войны. Челябинск, 2009), в сборниках оренбургских конференций немало статей разного качества (Материалы последней: Аграрная сфера в контексте

российских модернизаций XVIII–XX веков: макро- и микропроцессы: сб. статей / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Оренбург, 2010), ряд интересных работ выпустил пермский историк А.В. Черных (забывая, правда, иногда предшественников) (Черных А.В. Земледельческое хозяйство в эстонских хуторах Прикамья // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: Материалы III Всероссийской (XI Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17–19 октября 2010 г.) / Отв. ред. Г. А. Никитина. Ижевск, 2010), московский историк М.А. Давыдов не критически отнёсся к некоторым источникам по Уфимской губернии в своей в общем добротной монографии (Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М., 2003). Хотелось бы отметить челябинскую историю Урала (История Урала, XIX век – 1914 год: учебное пособие / Н.Н. Алеврас и др. Челябинск, 2007), где обильно представлен материал по Башкирии.

В целом прошедшие два десятилетия можно рассматривать как продолжение советской эпохи в изучении истории крестьянства Башкирии, Южного Урала второй половины XIX – начала XX в. Хотя, с одной стороны, очевидны деградационные процессы, когда от бывшей советской историографии остался выхолощенный, утрированный образ замученного империализмом крестьянина, преимущественно башкирской национальности, но позитивная динамика несомненна. Сохранив прежние (советские) достижения, развивая их на основе новейших теоретических разработок (концепции модернизации, агроперехода, др.), ввода в оборот новых источников и новых тем (хлебная торговля, история предпринимательства), исследователи аграрного строя Южного Урала создают объективную картину достаточного быстрого, неизбежно трудного, процесса перехода местного многонационального крестьянства от полунатурального хозяйства к рыночной экономике.

А. П. Романов (Челябинский ГУ)

**Изучая загадочного аборигена:
«Ориентализм» в оценках русских крестьян в к XIX – н. XX вв.**

«Дом, где я пишу эти строки, почти такой же, какой был там на Ниле. Стены – из воздушного кирпича, потолок из сосновых досок (в нильском доме он также был из русского леса), обстановка – дешевая Европа пополам с дешевой Азией, плохенькие зеркала, деревянные стулья, швейная машина и восточные ковры по лавкам вдоль стен. И там, и тут на улице слышны капризные крики верблюдов и дикие песни «туземцев». Там распевали феллахи, рывшие канал; тут визжат толпы казачек, вот уже третий день напивающихся на свадьбе и с неуклюжими плясками шатающихся по поселку, несмотря на адский

зной» (Дедлов А. Переселенцы на новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. Цит по: В.М. Кузнецов. «Проезжие» и краеведы-любители у истоков изучения традиционной культуры русского населения Южного Урала в дореволюционный период // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сб. ст. С. 356).

Крестьяне, составлявшие большинство населения Российской империи, неизбежно играли значительную роль в ее исторической судьбе. Разрешение аграрного вопроса на рубеже XIX – XX вв. представлялось политическим и интеллектуальным элитам важнейшей проблемой, связанной с благополучием общества в обозримом будущем. Поэтому мониторинг крестьянства и сбор надежной информации о нем являлись актуальными и весьма востребованными мероприятиями в обозначенный исторический период.

Особенностью этого процесса было то, что «...начиная с XIX в. русский правящий класс конструирует свой «Восток», свой Orient внутри собственной страны. Роль загадочных чалмоносных турок и мумифицированных фараонов играет собственный так называемый «народ», точнее - тот сконструированный объект дискурса (и, естественно, господства!), который получил название «народа». Этому объекту атрибутируют самые разнообразныe черты, которые можно совокупно характеризовать как «крайний экзотизм». «Русский мужик» выступает главным носителем экзотизма в современной автору русской жизни – мало того, что его решительно невозможно понять, он, обряженный в зипун и лапти, и внешне совсем непохож на автора в его сюртуке или вицмундире. Это – Другой. Именно в этом смысле лапти и борода русского крестьянина в глазах русского писателя, чиновника, помещика ничем не отличаются от чалмы турка или шальвар персиянина в представлении европейского ученого-ориенталиста, путешественника по Востоку писателя, колониального чиновника или военного» (Кобрин К. Р. От патерналистского проекта власти к шизофрении: «ориентализм» как российская проблема // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/kk5.html>).

Знание о русских крестьянах складывается из того, что написали о них некрестьяне, проявлявшие интерес к изучению загадочного «народа». Их представления и воззрения пронизывают практически все свидетельства, имеющиеся в нашем распоряжении.

Соответственно для того, чтобы анализировать знание о крестьянах надо представить тех, кто поставял «большой культуре» факты, относившиеся к жизни, культуре и хозяйственному быту деревни. Мое внимание, в силу собственного исследовательского интереса, останавливается на сельских учителях и земских статистиках. Сельские учителя ежедневно общались с крестьянскими детьми и весьма регулярно с их родителями, следовательно, могли наблюдать непосредственную картину крестьянской жизни, претендуя на роль ее знатока в интеллигентном сообществе. Вместе с тем, они очень часто воспринимали крестьян как «иных», «других» существ. Земские ста-

тики лично общались с крестьянами при проведении подворных статистических обследований, однако объем личного общения уступал учительскому. Они также вели переписку с корреспондентами земских статистических служб, среди которых было много крестьян. Крестьянин в письменном общении предьявлял себя иначе, чем в личном и, опять же, иначе чем в случае со своими однообщественниками. Но и у статистиков находились основания считать себя экспертами по сельской жизни, к тому же, их миссия освящалась высоким статусом точной науки.

Традиция рассмотрения крестьян в качестве экзотичного «другого» обнаруживается как в суждениях и воспоминаниях учителей, так и в статистике. Крестьянская среда рассматривалась либо как архаичная природная реальность, нуждающаяся в преобразовании или коррекции, либо как источник воображаемой истины, заключенной именно в природной чистоте. По отношению к ней действовал лейтмотив «преодоления препятствия» – физического, т.е. расстояния, которым отдаленные деревни изолировались от школы, и препятствия культурного – затягивающего деревенского быта. Деревня мыслится в дискурсивных конструкциях «преодоления барьера» как герметичная среда, соотносимая с природной стихией и не затронутая воздействием «света разума».

Учитель, являясь отзывчивым респондентом преобразовательных надежд, оказывается высшим существом в деревне, непознанный крестьянин в силу своей замкнутости и архаичности – низшим. Статистик, классифицировавший обнаруженные учителями факты, находился на следующей – верхней – по отношению к деревне ступени иерархичной лестницы производства знаний о крестьянах. Крестьянская основа этой социальной пирамиды – внутренний русский «Восток», одновременно и место приложения цивилизующих колонизаторских усилий и место нахождения скрытой истины, недоступной для механизированной, бюрократически упорядоченной Европы.

И. В. Сибиряков (Южно-Уральский ГУ, Челябинск)

Интернет-образ «русского террориста» начала XX в.: к проблеме виртуализации исторических образов*

Интернет-образ любого социального феномена, события или процесса представляет собой очень сложное явление. Он состоит из множества компонентов (текст, фото или видео ряд, звуковое сопровождение и т.д.), которые формируются совершенно разными людьми.

---

* Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2010-2011гг.). Мероприятие 1.

ми, разными способами, решающими разные задачи. Сведение таких компонентов в единую конструкцию, на наш взгляд, происходит в рамках субъективного произвольного выбора, определяемого чаще всего целым комплексом факторов (особенности мировосприятия пользователя, специфика задач, решаемых с помощью интернет-ресурсов, доступность различных видов таких ресурсов, навыки работы в интернет-пространстве и т.д.). Таким образом, у каждого пользователя интернета складывается свой образ того явления, которое он изучает. Этот образ имеет свою динамику и достаточно плотно интегрирован в систему других образов, разорвать которую можно лишь при проведении самостоятельного научного исследования.

Важное место в системе интернет-образов российской истории начала XX в., на наш взгляд, занимает образ «русского террориста». Его значение во многом связано с особой ролью политического террора в жизни империи в этот период, а так же с пристальным интересом к данной проблеме со стороны пользователей интернета. Материалы по истории «русского террора», которые сегодня доступны для широкого использования в русскоязычном сегменте интернета, дают возможность создать очень своеобразный образ «русского террориста» начала XX в. Условно эти материалы могут быть разделены на несколько больших групп.

К первой такой группе относятся материалы ресурсов энциклопедического характера. Интернет-энциклопедии, такие как «Онлайн энциклопедия Кругосвет» или «Свободная энциклопедия Википедия» в качестве базовой статьи, посвященной террору, содержат статью «терроризм». Через эту статью пользователь может выйти на сопредельные статьи, например, такие как «террор» или «террористический акт». В статьях такого рода, как правило, присутствуют рассуждения о природе терроризма, видах терроризма, историческая справка о наиболее крупных террористических актах. Тема «русского террора» затронута в этих ресурсах слабо и в самостоятельный раздел не выделена. Зато представлены подробные биографии наиболее известных российских террористов начала XX в., например Б.В. Савинкова. Биографический очерк сопровождается немногочисленными фотографиями и оставляет читателю возможность самому искать ответы на многие вопросы, связанные с участием Б.В. Савинкова в террористической деятельности.

Ко второй группе интернет-ресурсов могут быть отнесены материалы специализированных сайтов, посвященных истории террора и деятельности антитеррористических организаций. Как правило, они создают ярко выраженный негативный образ современных террористов и связанных с ними явлений. Важную роль в дискредитации террора на этих сайтах играет фотографический ряд. Примечательно, что сюжетов, связанных с террористическими актами начала XX в., на ресурсах такого рода тоже очень немного.

Третью группу ресурсов, играющих заметную роль в формировании интернет-образов русского террора, составляют те ресурсы, где сосредоточены учебные материалы, необходимые пользователям для создания соответствующих рефератов, контрольных работ или дипломных проектов. Многие из этих материалов носят ярко выраженный описательный характер и воспроизводят хорошо известные факты из истории террора. Упрощенная манера изложения этих фактов, порождает у пользователей упрощенное восприятие многих проблем так или иначе связанных с феноменом террора.

Четвертую группу составляют ресурсы, где целенаправленно размещаются разнообразные научные публикации, посвященные изучению широкого круга научных проблем, связанных с террором. Как правило, речь идет о размещении авторефератов диссертаций, статей, которые ранее были опубликованы в научных журналах, литературных. Особое место среди недавних таких интернет-публикаций занимают: статья А.С. Баранова «Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века»; статья Ю.В. Варфоломеева ««Русский способ»: Феномен революционного терроризма в России в начале XX в.»; статья О.В. Будницкого «Терроризм: история и современность» и др. В центре внимания исследователей находятся причины возникновения новой «волны террора» в России в начале XX в., взаимоотношения террористов с представителями интеллигенции и власти, психологическая мотивация террора. Внимательное прочтение этих исследований дает возможность читателю понять всю сложность и неоднозначность такого явления, как «русский террор» начала XX в.

Пятую группу могут составить те ресурсы, где тема террора является совершенно случайной и подборка материалов носит произвольный характер. Примером таких ресурсов могут служить ресурс «Интернет против телеэкрана» (разместивший статью Н. Старикова «Кто финансирует террористов: от эсеров до чеченских боевиков»), или ресурс «Православие.ru» (разместивший статью А. Ермакова «Разбойники на Голгофе. Судьбы русских террористов: от отчаяния до покаяния»). Примечательно, что большинство материалов, размещенных на таких ресурсах, носят ярко выраженный антитеррористический характер. Так, в перечисленных выше публикациях, боевиков партии эсеров и лидера партии большевиков сравнивают с чеченскими террористами, обвиняют в получении денег из-за рубежа, в нравственном оправдании террора. При этом авторы публикаций используют очень резкие литературные и публицистические приемы, образы, сравнения. Ряд книг, посвященных проблемам террора, размещенные в сети интернет были признаны правоохранительными органами экстремистскими. Например, в 2009 г. было запрещено распространение в России книги «Русский террор», которая до этого находилась на ряде сайтов в открытом доступе.

Отдельного самостоятельного исследования требует работа форумов и блогов, в рамках которых обсуждается феномен террора. Именно эти формы интернет-общения сегодня наиболее активно используются для изложения самых радикальных точек зрения, теорий и подходов к проблеме террора.

Таким образом, краткий анализ небольшого числа русскоязычных интернет-ресурсов, посвященных феномену терроризма, позволяет сделать ряд предположений, которые могут быть подтверждены (или опровергнуты) при проведении дополнительных полномасштабных исследований. Во-первых, главными отличительными чертами виртуального образа «русского террориста» начала XX в., существующего сегодня в русскоязычном сегменте интернет-пространства, по-нашему мнению, является его незавершенность и неопределенность. Человеку впервые пробующему сформировать для себя этот образ будет очень сложно детализировать его фотографический ряд, определить его социальные связи, преодолеть «размытость» идейных, политических и нравственных суждений террористов, неоднозначность религиозных взглядов, носителей террористической идеологии. Во-вторых, процесс виртуализации образа «русского террора начала XX в.» проходит только самую первую стадию своего развития. Очевидно, что главные преимущества интернет-пространства (скорость передачи информации, звуковые и визуальные эффекты и т.д.) при создании этого образа еще не использованы. В-третьих, как противники политического террора, так и его сторонники, крайне редко используют исторический материал для объяснения процессов происходящих в современной России. В интернет-сообществе присутствуют самые разные исторические, политические, нравственные оценки феномена терроризма, что создает для пользователя свободу выбора в определении собственного отношения к этому явлению.

О. А. Тупехина (Омский ГПУ)

Герой XVIII века: исторические деятели русской истории в интерпретации журнала «Вестник Европы» второй половины XIX века

Реконструкция исторических представлений, существовавших в памяти той или иной эпохи, представляет особый интерес для исследователей, поскольку позволяет нам «изнутри» понять не только «вспоминавшееся» время, но и время «вспоминающее». Обращаясь к знаниям о прошлом, существовавшим в ту или иную эпоху, и к образам прошлого, созданным в ее культуре, мы можем поставить ряд вопросов: каковы были причины обращения именно к этому прошлому, какие исторические сюжеты были наиболее востребованы, какие ценностные конфликты крылись за спорами об историческом значении того или иного события, о моральной стороне поступков того или иного исторического деятеля.

В нашей работе эти вопросы будут поставлены применительно к историческому сознанию второй половины XIX в., на которую выпал закат крепостничества, Великие реформы и стремительные социальные перемены. Неудивительно, что этот период был отмечен повышенным интересом образованного общества к историческим сюжетам: в прошлом своей страны видели ключ к пониманию ее настоящего, к формированию идентичности российского общества. Очевидно, что именно XVIII в., с его смелыми реформами, сокрушившими пережитки прошлого, привлекал внимание общества, жаждавшего перемен. XVIII столетие было «актуальным прошлым», к которому апеллировали при обсуждении проблем современности, и именно там искали своих героев.

Значительное место в процессе осмысления исторического опыта и наследия прошедшего XVIII века, оценки его главных действующих лиц и выработке определенных образов принадлежит периодическим изданиям, которые играли заметную роль в общественной жизни пореформенной России. Толстые журналы XIX столетия выступали как институт формирования, структурирования и трансляции общественного мнения. Они моделировали образ исторического героя, который воспринимался читательской аудиторией и встраивался в их систему мировоззрения и ценностных ориентаций.

Объектом данной работы является историко-политический журнал «Вестник Европы» (1866-1904 гг.) под редакцией М.М. Стасюлевича, а предметом изучения – образ героя XVIII в., который конструировался на страницах этого издания.

Анализируя статьи, опубликованные в журнале «Вестник Европы» за 1866-1904 гг., мы пришли к выводу, что чаще всего, обращаясь к историческим личностям ушедшего столетия, авторы пишут о Петре I. Интерес к этому персонажу российской истории вполне понятен, если учесть его вклад в реформирование и развитие страны. «Не поняв Петра, нельзя понять России», – писал К.Д. Кавелин. Над личностью Петра на страницах журнала рассуждали такие исследователи как А.Н. Пыпин, П.Н. Милюков, О.О. Миллер, К.Д. Кавелин, В.И. Герье и др.

Восприятие Петра Великого в пореформенной культуре было далеко не однозначным. Так, А.Н. Пынин в своей статье «Новый вопрос о Петре Великом» за 1886 г. обозначает две существующие точки зрения на личность царя. «Эти представления (о Петре I) не отличаются вообще разнообразием; в круглом счете, они сводятся к двум основным взглядам – или к восхвалению личности Петра и возвеличиванию реформы, нередко терявшему всякие пределы, или к осуждению этой реформы и к проклятиям самой личности». Образ Петра – антихриста в сознании пореформенного общества легко уживался с представлениями о гении – реформаторе, на много опередившим свое время.

Общественный интерес к личности царя Петра I во второй половине XIX в. был связан, прежде всего, с проведенными им реформами.

Известный спор западников и славянофилов о значении петровских преобразований авторами журнала «Вестник Европы» был переосмыслен и переведен в философско-историческую плоскость. Так, ими было отвергнуто положение об исключительной роли Петра Великого в прошедших преобразованиях, что не умаляло того великого общественного впечатления, которое производила личность самодержца на его потомков. Дифирамбы «царю - работнику», который личным примером вдохновлял своих подданных, звучали скрытым упреком в адрес не столь энергичного и последовательного преемника – Александра II.

Одной из важнейших тем, которая неотступно возникала в дебатах о Петре I на страницах журнала «Вестник Европы», была проблема политической и моральной оправданности жестоких расправ царя-реформатора над его противниками. Появившиеся «обстоятельные и правдивые» рассказы о невинных жертвах петровского времени, по словам А.Н. Пыпина, «бросили на XVIII век такую мрачную тень, которая естественно стала заслонять самую традиционную славу Петра Великого». Колебания между осуждением мрачных сторон царствования Петра I и необходимостью признать «великую роль деяний Петра» привели к пониманию того, что «все темные стороны характера Петра, конечно, легко извинить чертами века».

Задавшись ключевым для пореформенной эпохи вопросом, любил ли Петр I свой народ, публицисты XIX в. дали на него весьма противоречивый ответ: «он любил Россию, любил русский народ, любил его не в смысле массы современных и подвластных ему русских людей, а в смысле того идеала, до какого желал довести этот народ; и вот эта любовь составляет в нем то высокое качество, которое побуждает нас, мимо нашей собственной воли, любить его личность, оставляя в стороне его кровавые расправы» (Пыпин А.Н. Рассказы иностранца о Петре Великом // Вестник Европы. 1893. № 3. С. 287-288).

Итак, в культуре второй половины XIX в. вокруг фигуры Петра Великого сложилось несколько соперничающих нарративов, каждый из которых обладал своим образно-метафорическим рядом. Как пишет О.Б. Леонтьева, «образ великого реформатора, пожертвовавшего собственным сыном ради блага страны, приходил в непримиримое столкновение с образом жестокого деспота, хладнокровно терзавшего своего ребенка и свой народ во имя сомнительных политических задач. При этом контрастирующие представления о Петре могли уживаться друг с другом даже в творчестве одного и того же человека» (Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в культуре пореформенной России // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ. 2008. С. 673). Существование подобных противоречий по отношению к образу Петра I было вызвано стремлением образованных современников к переосмыслению и моральной переоценке русского прошлого, к «суду над историей».

Однако вынести Петру I «приговор потомства» оказалось сложной, почти непосильной задачей для человека того времени. Предстояло решить, что важнее – прогресс или национально-культурная самобытность, волевой реформаторский курс – или уважение к человеческому достоинству и гражданскому выбору. При вынесении этого приговора нужно было сделать выбор между ценностями, равно важными для века XVIII и века XIX.

А. А. Фокин (Челябинский ГУ)

Образы советского в современной отечественной массовой культуре

Я. Ассман в своей концепции выделяет культурную память, которая, в отличие от коммуникативной памяти, нуждается в поддержке и распространении социально обусловленными институтами (Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 57). Исходя из этого, можно говорить о том, что для молодого поколения россиян советский опыт переходит из одного типа памяти в другой. Образы советского прошлого для них оказываются искусственно сформированными. Существует несколько крупных источников по наполнению этих образов: 1) связь поколений и рассказы старших о своем советском опыте, 2) школьный или вузовский курс истории, 3) массовая культура. В данном тексте основное внимание будет уделено третьему варианту, который предоставляет свои образы советского.

В рамках Франкфуртской школы выработалось понимание «массовой культуры» как продукта, порожденного «сверху»: властными структурами, государством, крупными компаниями. Она представляет собой «доступные» послания, передаваемые по каналам массовой коммуникации и рассчитанные на «средний» уровень смыслов (Зверева В. Предисловие // Массовая культура: современные западные исследования. М., 2005. С.13). Массовая культура не стремится сформировать новые представления, она охотнее использует уже готовые элементы, перестраивая их в нужном порядке. Таким образом, через «похищение языка» создается определенная мифология в бартовском смысле. При этом В. Подорога считает, что культура памяти разрушается, не выдерживая конкуренции со стороны «низкой» культуры. Это происходит из-за возможности привлекать высококлассных исполнителей и приносить потребителям результат в виде удовольствия (Подорога В. Культура и реальность. Заметки на полях. // Массовая культура: современные западные исследования. М., 2005. С. 321). Г. Янковская отмечает, что обращение к эстетике «социалистического реализма» в культуре постсоветской России связано с ностальгией. Автор констатирует факт, но не объясняет возро-

ждение элементов советского стиля (Янковская Г. А. Ностальгия в стиле социалистического реализма в культурной памяти постсоветской России 1990-х гг. // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 347-357). Можно сказать, что не только в 1990-е, но в 2000-х продолжился процесс рецепции советского прошлого.

В качестве основной источниковой базы выступают кино и телевидение как наиболее массовые виды культуры в современном российском обществе. Хотя следует отметить, что «советскость» проявляется и во многих других сферах: модная одежда с гербом СССР, возвращение советских брендов (напитки «Байкал», «Саяны», автоматы с газированной водой и т.д.), апелляция к советскому как к качественному (завод «Микоян», квас «Никола» и т.п.). Особенно интересно, что в Интернете появились ролики, которые показывают историю СССР с помощью конструктора Lego или как 8-битную компьютерную игру, соединяя разные символические коды.

Образы советского в современной массовой культуре можно типологизировать по двум признакам: содержательному и эмоциональному (см. рис.). По первому критерию разграничиваются продукты просветительского и развлекательного характера. Просветительский подход позиционирует себя как научно-популярный и зачастую направлен на раскрытие новой информации из истории СССР. К такому типу отнесем передачи «Суд времени», «Исторические хроники», «Советская империя», «Намедни» и т.д. Развлекательный тип представлен передачами «ДОстояние РЕспублики», «Старые песни о главном», а также отдельными эпизодами из различных комедийных шоу (КВН, Comedy Club, 6 кадров). В основном, данные передачи используют отсылки к антуражу и стереотипам советской эпохи. К этой категории необходимо добавить и продукцию кинематографа: «Звезда», «Космос как предчувствие», «Заяц над бездной» и т.д.

Второй критерий, эмоциональный, позволяет выделить критическое и ностальгическое направления в массовой культуре. Так, например, уже упоминавшийся цикл передач «Исторические хроники» явно относится к критической категории, поскольку история СССР в нем подается как череда ошибок, трагедий и преступлений. Такой подход связан с развитием истории на рубеже 1980-1990-х гг., когда происходила «демифологизация» советских исторических конструкций. В современности критический подход играет ту же роль, что и 20 лет назад, он обосновывает разрыв современной политической структуры с советским наследием и должен проводить грань между демократией и тоталитаризмом. В ностальгическом варианте на первый план выходит не политическая составляющая, а скорее повседневность, коллективность и «душевность». «Ностальгический» аналог «Исторических хроник» Н. Сванидзе – это «Намедни» Л. Парфенова. Но у него в основе лежит «среда обитания» советского

человека, через которую и подается хронология Советского Союза. Хотя там есть указания на недостатки системы, но это не превращается в основную задачу. Особенно ярко ностальгический тип проявляется в передачах, нацеленных на вторичное использование культурного багажа. Так, современные звезды перепевают советские песни, демонстрируя в числе прочего и преимущества советской эстрады перед современной. Часто к ностальгическому дискурсу добавляется патриотический, но это, прежде всего, связано с темой Великой Отечественной войны.

Если говорить о смеховой культуре в рамках рецепции советского прошлого, то следует указать на карнавализацию исторических образов. Самым частым героем становится И.В. Сталин, а его «любимой» фразой – приказ «Расстрелять!». Можно проследить параллели с культурой советского политического анекдота, эксплуатирующего тот же образ. Людям, лучше знакомым с современным юмором, чем с историей, Сталин, скорее, запомнится как усатый человек с трубкой и странным акцентом, который всех казнил.

Итак, в современной массовой культуре существует несколько противоречивых образов советского прошлого, которые часто противопоставляются друг другу. Такое многообразие не способствует консолидации точек зрения и приводит к сбоям в функционировании коллективной памяти.